РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГК 525
П 919

ПУТЬ БОРЬБЫ.

СБОРНИК ПЕРВЫЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАМБОВСКОГО ГУБКОМА Р.К.П.
„КОММУНИСТ."
=1923=

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПУТЬ БОРЬБЫ.

СБОРНИК ПЕРВЫЙ
ТАМБОВСКОГО ГУБИСТПАРТА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Тамбовского Губкома Р.К.П.
„КОММУНИСТ"
1922.

1926
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Издательство Тамбовского Губкома РКП. „Коммунист".
Заказ № 19. Тираж. 500 экземпляров.
Государственная типография фил. № 2.

ГК 525
П 919 Р

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

СФ
36725

62731

32/2

62731

ПУТЬ БОРЬБЫ.

Путь борьбы бедняков с богатеями, борьбы трудящихся за освобождение от капиталистического гнета, за диктатуру пролетариата, которая ведет к социалистическому преображению общества,--этот путь узкими, извилистыми тропами начинается еще в древнем, в античном мире. Все шире и шире становится он к нашим дням, причем в наши дни наибольшие, наиширочайшие этапы этого, неизменно тернистого пути пройдены русским пролетариатом,—небывало высоко и небывало крепко нод'явшим знамя этой борьбы.

Но у нас нет еще истории этого пути—столь подробной и пространной, как всевозможные «истории королей и народов»,--нет и не могло быть потому, что перо истории до сих пор находилось и, кроме Р. С. Ф. С. Р., повсеместно находится в руках тех, кому невыгодно приближение к конечным целям этого пути,—в руках королей, коронованных на троне и на бирже, в руках их ученых холопов, которые слишком заинтересованы в крошках с королевского стола и в других многообразных «высочайших» об'едках. Не в их интересах, конечно,—фиксировать этапы пролетарской борьбы, и, фиксируя, одухотворять успехами, героическими взлетами этой борьбы тех, кто неизменно идут продолжать ее,—не в их интересах учить революционную смену на ошибках, промахах и провалах тех, кто пал в борьбе, пробивая путь вперед, ибо это значит—учить, как итти к победе, как приблизить ее.

Этой-то учебой особенно ценен путь борьбы и благодаря ей, необходимо подробное фиксирование и изучение его этапов.

Особенное, исключительное значение пути, проделанного русским рабочим классом, руководимым Российский Коммунистической Партией, мы уже отметили. Он должен быть запечатлен полностью, ибо на нем будут учиться не только те, кто идут на смену нам, но на нем *уже учатся* и те, кто рядом с нами, за нашими красными рубежами бьется в тисках капитала, в тенетах и дурмане лже-социалистов и жадно ищет выхода. Мы указуем выход и накопляются силы итти за нами. Не только верим, но твердо и дружно знаем: будет день и пойдут!..

Но много ли мы сделали, чтобы запечатлеть свой путь?

Нет. В то время, как наши классовые враги, зачисленные нашей победой в реестр «бывших людей», чуть не поголовно сделались «историографами», усердно «смолят» истории *нашей* революции, загружают книжные рынки ворохами своих мемуаров, записок и воспоминаний,—главная цель которых «рассудку вопреки, наперекор стихиям» повернуть суд будущего историка в свою сторону, добиться его суждения в свою пользу, наконец—самим и «своим» пролезть в историю,—мы мало сделали по собиранию материалов к истории нашей борьбы.

У нас есть оправдания: в разгар борьбы, в огненные годы гражданской войны нам некогда было оглядываться и запечатлевать. Рука сжимала винтовку и не смела выпустить ее, чтобы взяться за перо. Но теперь такие оправдания—недействительны. Правда, борьба еще не кончена, но она протекает уже в иных условиях, которые позволяют оглянуться на пройденный путь, собрать в документах и воспоминаниях все, что необходимо, все что ценно для истории этого пути, для учебы по его этапам.

И мы должны это сделать.

Первостепенную ценность в данном деле представляют документы,—документы с раз'яснениями, с комментариями, затем—фотографии, дневники, письма и воспоминания.

Воспоминания будут ценны только тогда, когда в основе их лежат факты, а не рассуждения, не «лирические отступления». Не нужно агитации, не нужно митинговщины в воспоминаниях, т. к. факты нашей борьбы в общем итоге—агитируют, митингуют за нас. Не нужно излишних оправданий, когда вспоминаешь о наших ошибках, ибо на своих ошибках мы сами учились и других учим. Совершенно обязательны—для воспоминаний—календарные даты (хотя-бы приблизительные с оговоркой «мне помнится» и т. п.), точное или приблизительное указание места события (вплоть до названия улицы, дома, его номера). Необходимо указание фамилий участников события, по возможности—имени и отчества, независимо от того,—с какой стороны участвовало данное лицо, как выявило себя в событии.

Несколько этих первичных указаний к писанию воспоминаний мы поспешно ввели потому, что в нашей Тамбовской губернии и, главным образом, в городе Тамбове первоначальный путь борьбы за власть трудящихся нелегко восстановить по документам,—т. к. ценнейшие из них находились в руках враждебных нашей революции и дружественных буржуазии партий, многие из них погибли во время мятежа 1918 г. и при набеге Мамонтова в 1919 г.

А между тем—путь борьбы в Тамбовской губернии был многотруден и потому, во многом—поучителен. Нигде, наприи-

мер, как здесь, не выявилось так ярко лже-социалистическое, лже-революционное лицо называющих себя «социалистами-революционерами».

Уездные центры нашей губернии документами богаче и они должны осветить путь борьбы у себя не только по воспоминаниям, но и с документами в руках. Не так пессимистично, как принято, смотрим мы на «бездокументность» и Тамбова. Кое-что и что-либо важное среди этого кой-чего может быть изыскано и в Тамбове,—*должно быть изыскано* и доставлено в Губистпарт для опубликования в его периодических,—предполагаемых к изданию раз в два месяца сборниках «Путь Борьбы».

Первейшая цель сборников—собрать материалы, характеризующие путь борьбы за Советскую власть по всем городам и весям нашей губернии, материалы к истории организаций Р. С.-Д. Р. П. (б) и Р. К. П. в нашей губернии.

Эта задача—нелегкая и осуществима лишь при самом широком содействии—в первую очередь старых партийцев—тамбовцев, а потом и всей партийной массы. С благодарностью и оплатой труда будет встречено и содействие беспартийных товарищей, сочувствующих нашей борьбе, разделявших часть нашего пути, бывших сторонними (по той или иной причине) свидетелями борьбы и сохранивших в своей памяти *действительные* факты этой борьбы. (Между прочим, в этом сборнике уже участвуют трое беспартийных).

Тех, кто не имеет никакой возможности дать законченный очерк о том или ином периоде или эпизоде борьбы, мы просим давать свои исправления, дополнения и раз'яснения к напечатанным в наших сборниках материалам. Для членов Р. К. П.—это партийный долг, так сказать—священнейшая партийная обязанность.

Несколько слов—о первом сборнике:

Получив возможность писать, мы еще не усвоили *обязанности писать*. Поэтому, несмотря на принятые Губистпартом меры, несмотря на ее неоднократные обращения, Губистпарт не получил достаточного количества материалов для систематизации и более лучшего отбора. Тем не менее—выпустил сборник, полагая, что это даст толчек тем, кто опоздал с представлением материалов.

Кроме того, Губистпарт считает необходимым «предуведомить» читателей о своем принципе в редактировании материалов для сборника (этот принцип Губистпарт будет проводить в жизнь и в будущем): поправки вносятся почти исключительно грамматические, в исключительных случаях, без нарушения представления об излагаемых фактах, более «удобоваримо» перестраиваются фразы, разбиваются громоздкие периоды, стиль, характер языка (через него—характеристика

автора) оберегается всемерно, даже в тех случаях, когда он «порочит» автора с точки зрения изысканного литературного вкуса.

Дабы привлечь к участию в сборнике и работе Губистпарта наибольшее количество сотрудников и дать материалы, интересующие далеко за пределами Тамбовской губернии, следующий сборник Губистпарт целиком посвящает антоновщине. Этот, сравнительно недавний период напряженной борьбы за Советскую власть в Тамбовской губернии,—период, богатый предательством и звериной контр-революционной злобой мнимых «друзей народа» и лживых «приверженцев социализма»,—особенно богат и свидетелями борьбы, и документами. Для этого второго сборника Губистпарт ждет от товарищей—всевозможных документов, фотографий, воспоминаний, списков, библиографии и характеристик героев этой борьбы, как живых, так и павших.

Все материалы необходимо нести и слать по адресу: *гор. Тамбов, угол ул. К. Маркса и Интернациональной, Губком Р. К. П., Губистпарт, комн. № 42.*

Губистпарт уверен, что документами, фотографиями, воспоминаниями, дополнениями к чужим воспоминаниям и иными материалами и указаниями товарищи поддержат его в его немалой работе по увековечению великого пути величайшей борьбы в Тамбовской губернии, что, в свою очередь, явится вкладом—в многотомную книгу истории пролетарской борьбы в России и во всем мире.

За работу, товарищи,—пора, можно и должно поработать нам для истории!

Губистпарт.

Борьба за Советвласть на заводе № 43 и в Тамбове.

(Из воспоминаний Рабочего-Пороховика.)

С небольшим пять лет прошло, как пали цепи капиталистического рабства с русского рабочего и крестьянина, как впервые призывный клич к борьбе за социализм загудел набатным звоном по всем углам великой страны. Давно-ли казалось сказочным то, что стало теперь действительностью?

Еще много трудностей ожидает нас, но, все же, главные из них—позади.

Когда оглядываешься на пройденный путь и пытаешься найти, определить меру той страстной воли, энтузиазма, беззаветного мужества, энергии и железной спаянности, которые были проявлены широкими слоями трудящихся,—при всем желании не находишь достойного критерия. Всякое представление, всякое определение, всякий образ оказывается ничтожным и малым в сравнении со всем пережитым, перенесенным и выстраданным.

Нет уголка в стране, который бы не был захвачен великой борьбой, и который не проявлял-бы в этой борьбе подлинных чудес героизма и преданности. И каждый из этих уголков в отдельности вкладывал свою долю в строительство того массивного фундамента, на котором возвышается теперь прекрасное здание Республики Советов.

Мне хочется поделиться с товарищами воспоминаниями о революционной борьбе в одном из таких уголков, расположенном в трущобах тамбовского леса,—на Тамбовском заводе № 43, сыгравшем по моему мнению весьма важную роль в деле борьбы за Советскую власть во всей Тамбовской губернии.

Нет сомнения в том, что ячейка Р. К. П. (б) Тамбовского завода № 43 заслуживает большого внимания, чем журнальная статья, но, за отсутствием под руками нужного материала, мы принуждены ограничиться лишь тем, что еще сохранилось в памяти.

Мы припомним наиболее выдающиеся события в деятельности ячейки завода № 43 с момента ее возникновения, т. е.

с апреля 1917 г. по начало 1918 г., когда был организован 1-й Губернский Совет. Эти события бесспорно должны войти в первые главы истории коммунистической борьбы за Советы и за диктатуру—пролетариата в Тамбовской губернии.

Всю деятельность ячейки завода № 43 в этом периоде грубо можно разделить на два основных периода. К первому из них относится внутризаводская работа,—работа, по организации самой ячейки и по «овладению умами» заводской массы. В связи с этим—борьба с эс-эрами и, наконец, борьба за овладение самим заводом,—его производственной деятельностью.

Второй период включает в себя деятельность большевиков с завода № 43 вне пределов завода. Сюда входят, отношение ячейки к жгучим политическим вопросам злободневного характера, ее влияние на эс-эровско-меньшевистский Тамбов и, наконец, ее роль в организации большевистской партии и Советской власти в Тамбовской губернии.

Чтобы уяснить себе обстановку и значение ее деятельности во второй период, который, несомненно, с точки зрения сегодняшнего дня, гораздо важнее,—необходимо, однако,—хотябы в нескольких словах, изложить то, что относится к первому.

Завод № 43, расположенный в 18 верстах от гор. Тамбова, в начале 1917 года насчитывал всего до 8000 рабочих (цифра приблизительная). Состав их был самый разнообразный. Здесь было некоторое количество подлинных пролетариев из Питера и Москвы, попавших сюда из армии (как квалифицированные рабочие), и непосредственно прибывших из Москвы от подрядчиков по строительным делам. Значительная же часть состояла из местного населения—главным образом, из крестьянской молодежи окрестных деревень. Не мало было и «шкурников» (как потом их прозвали) из мелкой и крупной буржуазии Тамбова, которые укрывались на заводе от призыва в армию. Такая пестрота в социальном составе не могла не отражаться на характере всей революционной деятельности большевистской организации завода № 43. Поскольку на-лицо имелся в подавляющем большинстве мелко-буржуазный элемент, постольку, естественно, что в самом начале революции на заводе с необычайным успехом работали эс-эры.

К началу революции их на заводе оказалось около двух десятков. Но торжество их продолжалось недолго: Сперва под напором революционной стихии, а затем под давлением организованной силы пролетариата, они должны были шаг за шагом отступать. Позднее многие из них, не желая окончательно оторваться от массы, вынуждены были революционизироваться.

В нелеткой атмосфере начинала свою деятельность ячейка завода № 43. Еще до ее организации, во время выборов 1-го Совета Рабочих депутатов завода № 43 было ясно, что боль-

ревистская организация решительно невозможна на заводе в данный момент. Это могло привести к тому, что лучший элемент из рабочей среды мог оказаться в рядах эс-еров, доказательством чего может служить хотя бы тот факт, что т.т. *Барановский, Загузов, Тарасов* (ныне уже умерший) и др.—лучшие, можно сказать, пролетарии завода,—все квалифицированные металлисты в конце марта 1917 г. вошли в эс-еровскую партию. Этот факт для нас был необычайно показателен, и совершился он несомненно под влиянием усердной агитации эс-еров, противостоять которой мы не могли вследствие своей малограмотности и полного отрыва от Центра. Надо было идти на хитрость, если только можно называть хитростью то, что мы вынуждены были делать, и, в противовес эс-ерам, создать такую организацию, которая могла бы привлечь к себе наиболее сознательную часть рабочих и которая была-бы близка к подлинным революционным задачам рабочего класса. Нам стало известно, что в Тамбове организуется группа социал-демократов-об'единенцев, которая в своих рядах имеет довольно сильных теоретиков: таких, например, как *Жулев, Мадзиевский, Рассказовский, Орлов, Истратов, Чарноцкий* и др. и нам казалось, что с их помощью удастся остановить стихийное стремление рабочих завода к эс-ерам.

Очень хорошо помню наш разговор с тов. *Барановым* по дороге в Тамбов (в конце марта 1917 г.), когда между прочим, я сказал:

— «Нет ничего более позорного для сознательного рабочего, как быть членом мелко-буржуазной эс-еровской партии!».

На это т. *Барашов* мне ответил:

— Да, отчасти согласен с этим, но вошел в нее потому, что во-первых, здесь губерния крестьянская, а во-вторых потому, что другой партии на заводе пока нет, а в такое время быть вне рядов хоть какой-нибудь революционной партии—преступно.

Так рассуждали в то время лучшие пролетарии завода. После этого нам ничего не оставалось делать, как считать, что наша мысль о связи с «об'единенцами» более или менее правильна. Но взять на себя ответственность за такое большое дело все же нельзя было. Необходимо было посоветоваться со старшими товарищами, что и было сделано. В последних числах марта 1917 г. была отправлена в Питер депутация от Совета зав. № 43 по поводу ревизии завода. Одним из членов этой депутации довелось быть и мне. Во время этой поездки удалось закупить кой-какую марксистскую литературу, выписать периодические издания—газеты питерские и московские, и, самое главное,—удалось переговорить о том, как нам поступить с организацией нашей местной группы.

В редакции «Правды» в Питере говорил я—теперь хорошо не помню—или с тов. *Полотовым* или с т. *Бедным*,—(узнал я их обоих позднее), а в Москве, в редакции «Социал-Демократа» говорил по этому-же поводу с тов. *Подбельским*. Товарищи выслушав меня, только сказали:

— «Валите, действуйте!»

«А тов. *Подбельский еще* добавил: «на подмогу пришлем еще кого-нибудь из Москвы».

По приезде обратно, в ближайшие же дни, в первой половине апреля 1917 г., после доклада *Истратова* о первом Всероссийском Совещании Советов была организована ячейка «С.-Д. об'единенцев» Тамбовского завода № 43.

На первом организационном собрании присутствовало 23 товарища, абсолютное большинство которых составляли строительные рабочие (фирмы «Инженерное Дело»). Интеллигентов было 2—3,—не больше,—из них, тов. *А. М. Дутова*, работавшая потом несменяемым и незаменимым секретарем. С этого времени и началась наша открытая идейная борьба с эс-эрами. В конце мая наша ячейка имела в своих рядах уже около 50 товарищей, а в июле—90.

В начале мая под руководством ячейки был организован Профсоюз строительных рабочих, насчитывавший к концу мая до 500 человек, причем число членов беспрерывно росло, и в сентябре 1917 г. союз насчитывал уже 800 человек. Постепенно, через ячейки, организованные по цехам, нам удалось проникнуть в Союз металлистов, где в августе наше влияние стало настолько сильно, что без нашего представителя,—тов. *Носова* или тов. *Седенкова*, уже не решался ни один вопрос.

Так, благодаря подходу к массе «изнутри» и умелому распространению нашей большевистской литературы,—главным образом газет «Правды» и «С.-Д.» мы уже в июне 1917 года имели колоссальное влияние на заводе. Общие заводские собрания избирали наших в председатели и проводили наши резолюции. Забастовка строительных рабочих в июне месяце, продолжавшаяся около месяца, протекала целиком под руководством наших членов. Изменившееся соотношение сил позволило вступить в более решительную борьбу с эс-эрами и разоблачать их, как подлинных изменников рабочему классу. Правда, на этот счет еще не было единого мнения в рядах самих членов нашей партии и нашей организации,—были и такие, которые считали «несвоевременным» выступать против соглашательской политики, так как это может провалить нас, и тогда эс-эры снова могут восторжествовать, а работа на заводе, имеющая по сути дела большевистский характер (с которым и эс-эры, по необходимости, мирились)—может со-

всем пойти на-смарку. Все же такие мнения были в меньшинстве и при том не представляли из себя такой оппозиции, которая угрожала-бы расколом.

В июне месяце на общезаводском митинге, по поводу воззваний *Керенского* о необходимости наступления на фронт, наша ячейка открыто выступила с подлинным пролетарско-революционным мнением. Эс-эрам был дан решительный бой. Но и наши противники мобилизовали все, что только могли в то время вычитать грязного о нас из своих газет. На этом собрании произошло необычайное зрелище. Присутствующая на митинге масса, в количестве до 4.000 человек, разделилась на две почти равные части, (я говорю приблизительно, так как подсчета не могло быть никакого). Полемика доходила до хрипоты ораторов и чуть не до драки среди слушателей. Эс-эры на этом собрании не скупились на клевету и ругань.

— «Большевики-шники, провокаторы!» и т. п.—кричали они.

По требованию массы мне, как оффициальному оратору от большевиков, пришлось немедленно рассказать свою «родословную». Сказанное мною было подтверждено полутысячью голосов строительных рабочих, оцепивших нас кольцом. Тогда положение сразу изменилось в нашу пользу.

Этот митинг закончился не одним десятком маленьких групп, где споры о том—кто прав, кто виноват продолжались до самой зари.

Вторым, хорошо запомнившимся случаем открытого боя с эс-эрами был митинг по поводу так называемого «займа свободы». Тут мы оказались недостаточно подготовленными, и митинг прошел не совсем удачно. Некоторые из наших товарищей приняли активное участие даже в сборе этого займа. Выступление мое и еще некоторых товарищей (например. *Шилова)* в отдельных местах (напр.—у строительных рабочих). все-же были не безуспешны.

К концу июня большинство заводской массы (наиболее квалифицированной) было уже на нашей стороне.

События в Питере (3—5 июля) дали возможность эс-эрам на некоторое время снова поднять голову. Но—не надолго. Завоеванные ранее позиции (по крайней мере главные из них—в Совете и в рабочем контроле над завод.) нам удалось и в этот момент сохранить за собой, а вскоре,—спустя не более как месяц, мы снова громили эс-эров по всем швам, пользуясь для этого убийственным материалом, главным образом, из «Социал-Демократа».

Большевистские лозунги: «Долой Кишкиных и Бурышкиных»—находили отклик и сочувствие подавляющего большинства.

К концу августа мы установили постоянную связь с большевистскими центрами—Питером и Москвой. В первых числах сентября 1917 г., в присутствии представителя от Московского Областного Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б)—тов. *Сафонова* наша ячейка выполнила и формальную сторону дела. Подачей записки она единогласно изменила свою старую вывеску, успевшую к тому времени изрядно проконтиться. В это время в ячейке состояло уже 90 членов. Записки каждого из нас в которых значилось—«большевик», вероятно, и до сих пор хранятся в ячейке завода.

В сентябре наша ячейка завоевала абсолютное влияние. Более «революционные» ребята из эс-эров вынуждены были поддакивать нам, оставаясь только формально членами эс-эровской партии.

Управившись с заводом, мы решили взяться за более сложное дело,—«прибрать к рукам» эс-эровско-меньшевистский Тамбов.

В конце августа или начале сентября (хорошо не помню) состоялась,—не помню которая по счету,—Губернская Конференция С.-Д. об'единенцев. На эту конференцию наши представители, если память не изменяет мне, явилась уже «непрошенными». Они поставили своей задачей нащупать на конференции почву для создания Губернской организации С.-Д. (б), и, тем самым, организацию «Об'единенцев» расколоть. От нас на конференцию были делегированы т.т. *Козловский*, *Седенков*, *Гудков* и еще кто-то. В первый уже день товарищи «спаялись» с частью козловских делегатов. Мне не довелось быть на этой исторической конференции, но товарищи докладывали потом о всем происшедшем и, мне помнится, что конфликт произошел на конференции, не сразу. Об'единенцы пытались путем компромисса не допустить раскола, но это им не удалось. После горячих споров наши товарищи демонстративно покинули конференцию. В числе покинувших были делегаты завода № 43, часть козловцев и, кажется, усманцы. Уходя, т.т. договорились о созыве большевистской конференции, которая и состоялась в сентябре мес. 1917 г. в Козлове. На ней присутствовали делегаты Козлова, Усмани, Грязей и завода № 43. Больше, кажется, ниоткуда представителей не было. В порядке дня, стояли вопросы, главным образом, организационного характера: 1) Выборы временного бюро организации, 2) связь с Центром и местами, 3) составление списка кандидатов в учредилку. Заметим кстати, что в этот список были включены три товарища с завода № 43.

Для предвыборной в Учредиловку агитации ячейка з. № 43 мобилизовала до 25 товарищей. Некоторые из эс-эров зав. № 43

тоже приняли участие в агитации за наш список (напр.—тов. *Малинин* и др.).

Вскоре после большевистской конференции в Козлове, по инициативе ячейки зав. № 43, была организована большевистская ячейка и в самом городе Тамбове. В начале в ней насчитывалось всего с десяток членов,—в том числе—два или три железнодорожника, тов. *Латышева*, (работавшая в то время в Губернском Земстве) и товарищи солдаты, главным образом, из 60-го полка. Долгое время тамбовская ячейка работала очень слабо. Ее значение возросло только после исторического, знаменитого митинга-манифестации, организованного эс-эрами по случаю изданного ими—(т. е. тамбовскими эс-эрами) «декрета № 3» о передаче всей помещичьей земли в ведение земельных комитетов (в которые заметим в скобках, были посажены деревенские зубры,—отборное кулачье).

На этот митинг-манифестацию пригласили и нас рабочих зав. № 43. Мы не отказались воспользоваться столь удобным случаем для пропаганды наших идей.

Так как извещение было получено только накануне, нам пришлось, как говорится—«пороть горячку». Всякому нашлось дело. Кто бегал с извещением по заводу по баракам. Тов. *Дутова* с другими товарищами наспех, к утру изготовили знамя. (Оно хоть и на-спех было сделано, но оказалось *лучшим* во всей манифестации как мы потом убедились). Часам к 10 утра собралось до 1000 человек рабочих. (Это был, кажется, праздничный день и, поэтому большенство рабочих из окрестных деревень разошлись по домам). Но зато эти 1000 чел.—была отборная пролетарская публика. В Тамбов мы пришли, когда на бывшей Варваринской площади почти еще никого не было. Спустя некоторое время под звуки музыки стали приходить одна за другой части тамбовского гарнизона. Тут дело у нас без «скандала» не обошлось. Как только появился на площади командующий парадом, он сейчас же обратил внимание на наше знамя, на котором четко было выведено белой ленточной:

— «Вся власть Советам»!

Это было первое знамя с большевистским лозунгом в Тамбовской губернии!

В категорической форме командующий потребовал у нас немедленно свернуть знамя, мотивируя свой приказ тем, что наши лозунги могут вызвать «беспорядки». Но мозолистая рука крепко держала свое красное знамя и исполнить требование командующего парадом мы категорически отказались. Чувствуя свое бессилие, командующий обратился за «подкреплением» к эс-эровско-меньшевистским «столпам». К нам подошла целая депутация и от имени большинства Тамбовского Испол-

кома потребовала свернуть знамя. Но рабочие зав. № 43 неумолимы. Они твердо повторяли одно и то же:

— «Это наше знамя и свернуть его мы не позволим»!.

Характерно отметить, что эс-эры нашего завода в этом инциденте горой стояли за нас.

Пока мы торговались насчет знамени, площадь заполнилась манифестантами. Лес знамен и на всех одно и то же знаменитое «№ 3». Кто-то из наших острил:

— «А почему у Вольского *) на лбу нет № 3? Это было бы рядах самих членов нашей партии и нашей организации,—кочень кстати»!.

Открылся митинг. Сначала выступали эс-эры, потом меньшевики. Говорили—«о революции ввобще», а главное—«о значении Тамбовского Декрета № 3». Не совсем удачно выступил и тов. *Сафонов*. От имени большевистской фракции Совета было предложено выступить с приветствием одному представителю зав. № 43. Рабочие зав. № 43 выдвинули меня. Заводские эс-эры на это согласились.

Это было лучшее в моей жизни выступление. Будучи, с одной стороны, возбужден и вдохновлен нашей борьбой за свое знамя, с другой стороны—возмущен надменно-коварной болтовней предыдущих ораторов, сладкоречиво «втиравших очки», я беспощадно разоблачал их, разбирал «по косточкам» и представлял собравшимся в их подлинном образе.

Попытка социал-соглашателей прервать меня кончилась для них позорнейшим образом. По окончании митинга были предложены две резолюции: наша (большевистская) и об'единенная (эс-эров и меньшевиков). Голосуют сначала *их* резолюцию. Очень мало голосов. За нашу резолюцию подымается лес рук кругом.

Это была первая победа большевиков в Тамбове.

Небезинтересно отметить, что при возвращении с митинга число знамен с «№ 3» значительно сократилось. Произошла своеобразная «концентрация знамен», у некоторых знаменосцев на плечах оказалось по несколько «№ 3», а кой-кто опустил знамена на землю и тащил их волоком.

Маска с соглашателей была сорвана. Путь к пролетарскому движению расчищен. Но слабость городской ячейки еще долгое время продолжало сказываться. Разбитые вдребезги на массовом митинге эс-эры и меньшевики после этого еще долго продолжали хозяйничать в Тамб. Совете. Приезд в октябре тов. *Б. А. Васильева* и—несколько позднее—тов. *М. Д. Чичканова* значительно подкрепил городскую ячейку. До их приезда мы уже успели кой-где по частям гарнизона провести предвыбор-

*) Видный эсеровский лидер, прокурор суда.

ные собрания и в большинстве случаев, полнейший успех был на нашей стороне.

В октябре нам удалось отвоевать два или три места в Исполнительном Комитете Советов, которые сперва заняли т.т. *Новиков (железнодорожник)* и *Гусев*. Несколько позднее в *Новиков* (железнодорожник) и *Гусев*. Несколько позднее в ставителей в Исполком большого влияния на политику не имело, но оно было важно тем, что давало нам возможность—находиться в курсе всех дел и при случаях разоблачать соглашательское большинство.

Так продолжалось до перевыборов городского Совета, которые состоялись значительно позднее октябрьского переворота.

При всем старании эс-эров и меньшевиков им не удалось скрыть от рабочих зав. № 43 известия о событиях в Питере. 26-го октября старого стиля вечером нам стала известна телеграмма за подписью *Ленина*, сообщающая о совершившемся перевороте. Кой-кто из товарищей с почты помог нам в этом. В тот же вечер в столовой завода состоялся грандиозный митинг, на котором выступали попеременно я и тов *Баранов*. Нашими общими противниками были инженеры завода, кажется *Гофулев* и *Кубилиус*, но—увы!—их голоса остались «гласом вопиющего в пустыне». Он был разбит на-голову. Под звуки рабочего марша, почти единогласно была принята приветственная телеграмма новому Рабоче-Крестьянскому Правительству.

На другой или третий день после этого митинга Совет завода № 43 объявил себя единственной властью на заводе. Администрации завода—и, прежде всего, инженерам—это очень не понравилось. На своем собрании инженеры постановили протестовать и объявить Совету, что никакой власти Советов они не признают, а знают только начальника завода. Такое выступление инженеров запугать Совет, конечно, не могло. оно только натолкнуло еще раз на ту мысль, что кой-кого из инженеров следовало-бы «почистить». В ультимативной форме было предложено корпорации инженеров—пересмотреть их решение и высказана была угроза—лишить их пайка на заводе. Кончилась эта история тем, что некоторые из инженеров, забрав свои «монатки», перекочевали с завода в Тамбов, под крылышко эс-эров и меньшевиков.

В Тамбове октябрьские события отразились в совсем ином направлении. На события 3—5 июля тамбовские эс-эры и часть меньшевиков реагировала выпуском «Известий» со статьями и лозунгами черносотенно-погромного характера, и выступлениями на митингах в том-же духе. (В частности у нас на заводе выступал с погромной речью доктор *А. К. Чарноцкий*, приехавший за мобилизованными. Очень хорошо помню, как, по окончании его речи, тов. *Носов* схватил меня за руку и

потащил, говоря:—«Пойдем, Гаврилов, заявим почтенному доктору, что мы—большевики. Пусть терзают нас,—все равно»! Гр. Чарноцкий спасовал перед столь смелым поступком,—он заявил, что ему известно, что мы то во всяком случае не германские шпики, а рабочие завода № 43. Тамбовские выступления против октябрьского переворота имели характер значительно более глубокий. Прежде всего, по всей губернии были организованы и,—надо заметить, довольно быстро—так называемые «Комитеты спасения родины и революции». Эс-эрами было быстро поставлено на ноги и приведено в боевую готовность все, что только можно было им привести. Главной опорой их был 7-й зап. кавалерийский полк, куда большевики почти вовсе не могли проникнуть, так как командный состав и полковой комитет состояли из эс-эров, меньшевиков и ударников, находившихся под командой известного контр-революционера *Леонова*. Что касается ударников, то, на основании некоторых источников (правда, не совсем оффициальных) нам было известно, что ударников в городе имеется до 5 тысяч. Некоторые из товарищей склонны были утверждать, что в действительности их было больше. Как ударники, так равно и кавалерийский полк были вооружены буквально «до-зубов».

Остальные части гарнизона, которые находились целиком под нашим влиянием (60-й полк, 204-й и др.), как «неблагонадежные», под разными благовидными мотивами были своевременно обезврежены эс-эрами. Оружие у них было оставлено только в размерах, необходимых для караульной службы, и то наполовину негодное. Таким образом, думать о том, чтобы немедленно последовать примеру питерцев мы не могли. Надо было искать других путей, и мы стали искать...

Зная прекрасно о нашем техническом бессилии для вооруженного восстания, эс-эры и меньшевики не ограничились организацией своей безопасности только внутри губернии,—они решили оказать помощь своему центру. От Руднева из Москвы они телеграфно получили убедительную просьбу о помощи. Решив помочь Рудневу, эс-эры все же были обеспокоены тем, как на этот их шаг будут реагировать местные большевики.

И вот, в то время, когда в Москве рабочие и солдаты выбивали остатки контр-революции, засевшей в Кремле, в Тамбове происходило историческое заседание, так называемого «Комитета спасения родины и революции». На предложение эс-эров и меньшевиков—принять участие в этом заседании,—мы не отказались. Для нас было очень важно знать их оффициальное решение, так как до этого они пытались выезжать на «нейтралитете». Когда мы явились на это заседание, все уже были в сборе. Видимо—нас нетерпеливо ждали. Здесь был весь цвет тамбовской контр-революции, включительно до генералов, на

ходившихся в это время в гарнизоне. При виде такой камшании, невольно напрашивалось желание—превратить их всех в мумии, чтобы выставить в музей для обозрения трудящихся,—чтобы показать всем трудящимся—кто, собственно, собирался—«спасать русскую революцию от большевиков». Обстановка казенного здания (собрание происходило в бывших «Присутственных Местах»—дополняла картину. Еще до открытия заседания, вскоре после нашего прихода, в коридоре появилось с полсотни кавалеристов. У нас не было никакого сомнения что охрану вызвали специально для нашей «остраски»,—мол «вот вам гостинец, товарищи большевики, чтобы вы не особенно рыпались».

Немно. тов. *Носов* или *Малинин* очень удачно сострили по этому поводу. Кто-то из них сказал:

— «Охрана тут не лишняя, так как большевики без бомбы в кармане теперь не ходят, чего доброго взорвать могут»!.

Заседание было открыто эс-эром *Поповым*. Сперва было разобрано несколько вопросов местного характера. Затем третьим или четвертым по порядку был поставлен вопрос, который больше всего нас занимал, вопрос—о помощи московской контр-революции. Прежде всего была оглашена телеграмма *Рудиева*. (эс-эра, Председателя Московск. Городской Думы). Нам не довелось после проверить,—была ли эта телеграмма действительно прислана из Москвы или являлась «продуктом местного творчества». Да в то время это не было столь существенным. В данное-же время, как известный исторический факт,—это должно быть проверено. В телеграмме из Москвы говорилось, приблизительно, следующее:

— «Несколько дней назад по окраинам Москвы появились вооруженные банды, которые нарушают спокойствие жителей. Прошу помощи. *Рудиев*».

Может быть слов там было несколько больше, по смысл безусловно таков. (Как видите, тут кто-то и кого-то собирался дискредитировать,—вот почему важно установить подлинный источник этой телеграммы).

По оглашении телеграммы были открыты прения. Полились патриотические речи. Говорили почти все, кроме нас. Здесь нелого было агитировать, и поэтому мы предпочли ограничиться только слушанием. Когда до сита наговорились все, желающие говорить, председательствующий, обращаясь прямо к нам, задал вопрос: «Кто еще хочет высказаться?» Эс-эр *Вольский*, также обращаясь к нам, с ехидством заметил: —«Да вот послушаем еще, что скажут товарищи большевики»! Нас было трое: тов. *Гусев* от Городского Совета и я с тов. *Носовым* от завода № 13.—да еще с нами заодно действовал эс-эр с за-

СССР. ИНСТИТУТ

вода № 13—тов. *Малинин*. На брошенный вызов от нашего имени выступил тов. *Гусев*, который коротко ответил:

— «Никаких бандитов в Москве нет. Есть—баррикадный бой. Мы против посылки туда какой бы то ни было помощи»!

Учитывая наше нежелание говорить много, противники пустились на уловку. Постановкой ряда вопросов они пытались выведать от нас, что мы предпримем, если они все-таки решат послать помощь в Москву.

Чтобы благополучно выбраться с этого «собрания» и сообщить товарищам, что нужно, мы твердили, что не можем ручаться за остальных своих товарищей, и не знаем, что они будут делать—сами же, ввиду глубокой ночи, направимся после собрания по квартирам,—спать.

Вопрос о помощи был после этого проголосован. Все, кроме еще продолжавшееся заседание. У выхода из здания нас уже поджидал товарищ из 60 полка (фамилии его не помню). Узнав о состоявшемся решении, он стремглав помчался в свой полк. Задача большевиков 60 полка заключалась в том, чтобы проследить,—когда будут отправлять в Москву обманутых кавалеристов и не прозевать—«на ушко» шепнуть им,—куда и зачем их увозят. Это было блестяще выполнено. На следующий день сообщают нам:

— «Два эскадрона кавалеристов отказались ехать в Москву и вернулись обратно с дороги».

Так постепенно ускользала почва из-под ног тамбовских соглашателей.

Единственной опорой их оставались ударники. На них они и сосредоточили свою опеку и внимание. В организацию ударников входили все сливки тамбовской контр-революции. Подавляющее большинство ударников составляли дети крупной и мелкой буржуазии Тамбова. Принимались туда даже мальчики из гимназий. Каждый из ударников получал соответствующее вооружение, (что, между прочим, неоднократно разоблачалось тов. *Васильевым*—и в заседаниях Исполкома, и на Пленуме Горсовета).

Такая обстановка продолжалась до перевыборов Городского Совета, давших большинство—большевикам. Это произошло, если не ошибаюсь в конце ноября 1917 г. После перехода власти к Советам в Питере и Москве, тамбовские эс-эры и меньшевики все еще продолжали льстить себя надеждой на провал большевиков и, пользуясь нашей слабостью, продолжали разными способами закреплять свои позиции. Так например: держа ставку на ударников, они поспешили распустить остальные «неблагонадежные» части гарнизона. Благодаря этому, вновь избранный Городской Совет долгое время оказывался бессильным для того, чтобы вычистить тамбовскую контр-

революцию. Лишь кой-где у складов ему удалось поставить свою охрану и, тем самым, прекратить дальнейшее выкачивание оттуда оружия. Мне не довелось в это время быть на складах, но товарищи бывшие там рассказывали, что там уже почти ничего не оставалось. Что же касается главнейшей задачи, которая стояла перед ним, т. е. разоружения ударников, то для этого Горсовету требовался хорошо вооруженный кулак. Временно оставляя ударников в покое, приходилось работать в состоянии и положении довольно ненормальном.

Здесь мы должны снова возвратиться к рабочим зав. № 43, которые и в деле разоружения ударников сыграли немаловажную роль.

Вскоре после того, как Совет завода № 43 об'явил себя властью на заводе, перед ним встал вопрос об охране завода вообще и в частности о защите завода от вполне возможного налета из Тамбова. Понадобилось оружие, но где и как достать оружие? Это была задача—нелегкая. Нечего было и думать о том, что оружие мы сможем достать в Тамбове, так как там хозяйничали эсэры и меньшевики. Рассчитывать можно было только на Москву, где у власти теперь были уже наши. Но как переправить оружие из Москвы? В случае, если вышлют оружие через Тамбов, оно очень легко может угодить в руки ударников. Но раздумывать долго не приходилось. Об'ективная обстановка с неумолимой логикой не допускала никакой отсрочки. Помню, наша ячейка заявила в Исполкоме Совета зав. № 43.

— «Не место здесь вырабатывать детали, а—поручить особой комиссии, которая и должна немедленно выполнить данное ей поручение».

В комиссию по вооружению вошли три товарища—т. *Козловский* и, кажется, *Лолакин и Баранов*.

Спустя недели полторы, поздно ночью, к зданию Совета зав. № 43 на десяти подводах было подвезено то, чего мы с нетерпением ждали. Мне неизвестны подробности,—как получили рабочие оружие, но кое-что я все-таки знаю по рассказу т. *Козловского*. Наряд в один из московских складов был получен ими от тов. Муралова. Оружие было отправлено по жел. дороге до Козлова, а от Козлова—в сильную вьюгу, на заводских лошадях было доставлено на завод. Мы получили 600 винтовок, 20.000 патронов и 3 пулемета. Оружие было новенькое, видимо прямо с завода. Пулеметы—даже в разобранном виде. Нашлись свои мастера и быстро привели все в полную боевую готовность. Было решено немедленно приступить к организации заводского отряда красногвардейцев. Командиром был избран т. *Козловский*. В короткий срок мы имели довольно сносный постоянный отряд (около двухсот человек), в который

входили, главным образом, старые солдаты. Имея такую опору мы получили возможность действовать значительно смелее.

Организация вооруженного отряда на заводе № 43 почти совпала с моментом перевыборов Тамбовского Горсовета. Приблизительно в это же время в Тамбов с фронта прибыл новый полк (59-й или 61-й,—хорошо не помню),—в целом довольно революционный. Мне не удалось с ним хорошо познакомиться, но кой-кто из наших был склонен определить его настроение—анархистским. Этот полк оказался небесполезным для нашей работы,—особенно та его небольшая часть, в которую входило несколько большевиков и им сочувствующих. Из вновь прибывших, особенно большую услугу оказали Тамбову т.т. *Илюшин* и *Мегалинский*. Оба они были рабочие и полны горячего революционного энтузиазма. Своей неутомимой энергией они вдохновляли всех, кто был с ними. Они лучше, чем кто-либо из нас знали, чем живет и дышит солдатская масса и, поэтому, всегда были первыми там, где возникали и обострялись те или иные конфликты с солдатской массой. (Товарищи эти были из Тамбова вскоре после разоружения ударников вместе со своей частью и теперешнее местонахождение их нам, к сожалению, не известно).

Мы остановились на кратковременной деятельности этих товарищей, для того, чтобы была вполне ясна роль, которую сыграл в деле разоружения ударников только что прибывший в Тамбов новый полк.

Справедливость требует также отметить значительное участие и ж.-д. рабочих в разоружении ударников. Это особенно необходимо отметить потому, что с самого начала революции, т. е. с марта 1917 г. и еще долгое время после Октября, т. е. уже при Советской власти, железнодорожные мастерские находились почти под абсолютным влиянием меньшевиков. Ни эсеры, ни, тем более,—мы, сначала не имели там почти никакого влияния. Причины этого неоднократно выяснялись на страницах нашей периодической печати и повторять их нет никакой надобности. Совершенно необходимо зафиксировать тот факт, что ко времени разоружения ударников в тамбовских жел.-дор. мастерских имелось не более двух большевиков и почти столько-же эсеров. Меньшевиков было значительно больше. Несмотря на это—многие жел.-дор. рабочие принимали в разоружении ударников довольно активное участие. Они не могли иначе поступить, ибо видели, вместе с нами, всю, ничем не прикрытую, подлость поведения ударников и всю опасность завоеваниям революции, которую представляла эта контр-революционная организация...

Вновь избранный Совет или, вернее—его большевистская фракция, возглавляемая т. Чичкановым, вместе с сочувствую-

щими нам. подсчитав силы, на котор. можно было опереться, в начале декабря или в конце ноября, решила «действовать». Самой надежной силой Совета являлись рабочие завода № 43. Вся подготовительная работа по разоружению контр-революционеров, вплоть до выработки плана действий, была проделана при непосредственном участии рабочих завода № 43. Помню, как на заседании группы товарищей завода № 43, под председательством тов. Чичканова, в маленькой комнате президиума Совета завода № 43, составлялся план действий. На этом же заседании было выделено несколько товарищей для постоянной работы в Тамбове. В число выделенных входили т.т. Носов, Загузов и Гудков. Первой их задачей по работе в Тамбове было—управиться с ударниками и начать подготовительную работу по созыву Губернского С'езда Советов.

День разоружения еще не был намечен, т. к. необходимо было выяснить, насколько готовы к действиям остальные наши силы. Днем или двумя позднее нам сообщили день через нарочного. К этому времени мы уже произвели подготовительную работу по цехам и условились насчет извещения посредством заводского гудка. В тот же день были приняты меры предосторожности от шпионажа. Предполагали, что с завода на разоружение отправится максимум 400 человек. Теперь не помню, сколько набралось, но очень хорошо помню, что вечером, часу в 9-м прогудел гудок, и невероятно быстро, буквально по-военному, к зданию, где помещался штаб, явилось столько рабочих, желающих итти в Тамбов, что на всех не хватило имеющихся у нас винтовок. Начальник нашего отряда оказался в затруднительном положении. Он должен был кого-то оставить, но кого,—когда все рвались в бой за Советскую власть! Помню немало «обиженных», которым не досталось винтовок, но которые все-таки поехали так,—с пустыми руками, в надежде достать оружие при первой же стычке. Через час с небольшим заводская «диковилька» отправляла через Кандауровку в Тамбов около 500 бойцов, готовых до конца исполнить революционный долг. В Кандауровке нас поджидала значительная часть нашего отряда во главе с т. Носовым. Эта часть только что вернулась из Борисоглебского уезда, куда товарищи ездили драться с бандитами, задерживавшими балановские поезда.

В задачу рабочих з. № 43 входило—разоружить ударников в районе бывшей Варваринской площади. Не доезжая до Тамбова, мы слезли против казарм 204-го полка. Тут произошел любопытный случай. Товарищи из 204-го полка забыли предупредить о нашем приезде свой караул и, когда мы, несколько вооруженных человек подошли узнать,—в каком корпусе нам можно расположиться до момента начала действий,—караул

перетруслил и пытался дать тревогу. С большим трудом удалось этого избежать.

Пока шли переговоры со штабом (о порядке действий), время подвигалось к утру. Только на рассвете мы отправились разоружать ударников. Но пути от казарм к району действий товарищи шли с затаенным дыханьем, с затаенной мыслью о том, что нас ожидает «серьезное дело», что мы можем встретить отпор. В действительности-же оказалось совсем иное. Дело было сделано без единого выстрела. Наши враги оказались застигнутыми врасплох. Там, где мы их обнаружили, они были в состоянии глубокого сна.

Тов. Гусев, на долю которого выпало захватить штаб ударников, рассказывал, что он застал спящим даже штабного часового и оружие взял у сонного. В нашем районе почти не оказалось ударников. Мы просто отобрали оружие у кого-бы то ни было. В других районах, где общей руководил тт. Гусев, Гудков, Загузов и пр., ударников обнаружено было больше, но в общем все-же не набралось того количества, которое мы рассчитывали захватить. Кроме того,—ударники размещались в большинстве случаев по частным квартирам и, естественно, найти всех не представлялось возможным. Но важно было их обезоружить, захватить их организаторов и руководителей, что и было сделано.

Главный их вождь—прапорщик Леонов и еще несколько человек из их командного состава, были нами задержаны и отправлены в Тамбовскую тюрьму. (Они освободились оттуда во время июньского мятежа 1918 года).

Когда было закончено разоружение ударников, мы стали действовать более свободно. На очередь возникла задача: как избавиться окончательно от вдохновителей только что смятенной контр-революции, т. е. от меньшевиков и, главным образом, от эсеров, которые продолжали оставаться на прежних местах в довольно важных пунктах управления, как например—в городской думе, губернском земстве и т. п. местах, где продолжали обделывать свои «делишки». Здесь дело было не менее, если не более сложное, чем в предыдущем случае.

Мы все, руководимые тт. Васильевым и Чинкановым, рассуждали так: ведь выбросить эсеров и меньшевиков из указанных выше учреждений—вовсе нехитрая штука,—тем более после разоружения их главной опоры ударников, но эта штука становилась невозможной, как скоро возникал вопрос: а кого же мы можем взамен изгнанных послать, кого,—кто-бы хоть мало-мальски смыслил в ведении городского и, тем более, губернского хозяйства? Из тех полутора или двух десятков товарищей, которые имелись у вас в наличности, послать было почти некого,—они были или абсолютно перегружены другой

работой, или-же были совершенно неспособны к предстоящей ответственнейшей работе. Оставалось выбирать: или допустить, чтобы жизнь городского и губернского хозяйства совершенно замерла, или же временно оставить меньшевиков и эсеров, чтобы она, хоть по-куриному, да все-таки двигалась. Допустить остановку работы водопровода, электрической станции, больниц, лазаретов и др. существенно-важных артерий мы конечно не могли. Сохранять-же все это в движении, в работе, своими силами мы также не могли.

Было решено до Губернского С'езда Советов—«ломки никакой не производить». Когда с'едутся товарищи на С'езд, выделят на подмогу нам свежие новые силы, тогда можно будет рассуждать иначе. Это наше решение послужило главным поводом к демагогическому обвинению т.т. Васильева и Чичканова со стороны ряда близоруких и слишком пылких товарищей—в «меньшевизме», в соглашательстве...

Выше мы указывали, что на заводе № 43 была избрана группа т.т. во главе с тов. Носовым, которой было поручено взять на себя обязанности комиссии по созыву Губернского С'езда Советов. Эта комиссия была пополнена некоторыми товарищами из Тамбовского Совета (от нашей фракции) и энергично приступила к работе. К этому времени, т. е. в декабре 1918 г., в большинстве уездов положение уже резко изменилось, как это выяснилось потом на предварительном совещании с представителями от уездов. Переизбранные уездные Советы в своем составе имели большевиков. На стороне последних почти целиком были и беспартийные рабочие и солдаты. Выяснилось на указанном совещании, что большинство делегатов на предстоящем с'езде будет несомненно на нашей стороне. Здесь-же удалось познакомиться с крестьянской массой губернии и ее настроением. Оказалось, что крестьянство также не против нас, так как ему изрядно прискучила волокита с передачей барской земли, озлобили посылки по деревням карательных отрядов, что авторитет эсеров, даже в Тамбовской губ. подорван, и значительная часть деревни симпатизирует нам. На том-же совещании было решено в конце января или в начале февраля 1918 года созвать Губернский С'езд Советов. Товарищам из уездов, прибывшим на совещание, даны были соответствующие инструкции о порядке перевыборов. Содержание главной инструкции заключалось в том, чтобы избрать на с'езд подлинных представителей трудящихся и следить за тем, чтобы не проникали волки в овечьей шкуре. Подлинник этой инструкции должен был-бы сохраниться в архиве Губернского Совета, так как при последующих мятежах и нашествиях, насколько мне помнится, этот архив кажется не подвер-

гался разгрому. Там-же можно выяснить—какие именно уезды участвовали в этом совещании.

Вскоре после того, как это совещание разъехалось на места, из Питера в помощь к нам была прислана группа т.т. в количестве 4 или 5 чел. Из них, помню, трое были левые эсеры—Евфорицкий, Панов и др. и только один большевик—т. Новиков Николай. Все они имели мандаты от ВЦИК Советов и явившись прямо к нам на завод № 43. Здесь же, на заседании президиума Совета завода № 43 и президиума партийных ячеек—наших и левых эсеров завода (левыми наши эсеры стали с момента октябрьских событий). Приехавшие товарищи сообщили нам о том наказе, который они имели от центра и при этом добавили, что действовать мы должны сейчас же. Задача заключалась в том, чтобы немедленно захватить в свои руки губернский аппарат,—прежде всего—губернское земство и крестьянский поземельный банк. На наш вопрос,—сможем ли мы до с'езда справиться с этой задачей, тов. Евфорицкий довольно хладнокровно заявил—«Конечно!». Выдвигалась задача—помочь приехавшим товарищам, чем только можно, выполнить дело раньше, чем это казалось нам необходимым. Мы попытались выяснить вопрос о согласовании наших действий с действиями городского совета, но тов. Евфорицкий заявил, что это мы сделаем по приезде в Тамбов и добавил, что в случае разногласий мы все таки не остановимся в наших действиях—при этом совершенно не задевая интересов Горсовета, поскольку наше дело будет касаться исключительно губернских органов. В действительности-же дело обошлось не без конфликтов, но об этом ниже.

По нашей политической и дипломатической малограмотности мы не смогли сразу-же заметить дипломатического подхода эсеров, который обнаружился несколько позднее и заключался в том, чтобы Тамбовскую губернию в целом сделать одним из главных опорных пунктов левых эсеров. Этого, однако, им не удалось провести,—очень скоро их ставка была бита.

В том же историческом заседании приехавшие товарищи поставили вопрос о том—сколько и кого мы могли-бы выделить для работы в Тамбове вообще и в частности для посылки по губернии в качестве агитаторов? Здесь же было решено наш отряд красногвардейцев отправить на постоянное квартирование в Тамбов. На этот раз для работы в губернии было направлено десятка полтора рабоч. з. № 43. Шестеро из них—т.т. Шилов, Гаврилов Д., Фарафонов, Павлов, Волков и Ткачук были направлены в качестве агитаторов по деревням Тамбовской губернии. Это были первые проповедники большевизма в Тамбовщине. Остальные т.т. остались на работе в самом Тамбове.

Против намеченных приезжими действий до с'езда ни фракция Горсовета в целом, ни т.т. Чичканов и Васильев не возражали, а лишь условились, что наша задача до с'езда занять лишь наиболее важные пункты, откуда мы могли-бы лучше всего распространять свои идеи и агитировать за свою партию и Советвласть. Так, в январе месяце 1918 г. от имени Советской власти Губернской полномочной комиссией был занят сначала Крестьянский поземельный банк, который потом являлся некоторое время губернским советским центром. Аппарат банка был перестроен к деятельности самой разнообразной. Здесь намечались первые формы некоторых, впоследствии перестроенных губотделов. Помню,—тов. Новиков организовал нечто в роде теперешнего политпросвета,—в ведение которого была отдана вся работа по агитации и пропаганде.

Вскоре после захвата земельного банка было решено занять и Губземство. В качестве ответственного руководителя по выполнению этой миссии был назначен Евфорицкий. Мне не довелось присутствовать в тот момент, когда были собраны в зале губернского земства его деятели для осведомления их о немедленной передаче их аппарата Советской власти, поэтому сообщить что-либо об этом, несомненно интересном факте не могу ничего. Бывшие там товарищи рассказывали мне, что на требование—передать дела, было отвечено: «подчиняемся грубой силе» и т. п. После этого до С'езда Советов во главе Губернского Земства находился тов. Евфорицкий. Фактическая-же работа долгое время исполнялась теми-же лицами, которые работали там и раньше,—устранена была лишь самая головка.

Во избежание недоразумений оговариваюсь относительно времени захвата типографии губернского земства,—не помню хорошо, когда это было—или до, или во время С'езда Советов. Хорошо помню, что до нашего захвата этой типографии в Тамбове не было ни одной ни большевистской, ни лево-эсеровской газеты. Издавались—«Земский Вестник», который редактировался меньшевиками и эсеровские «Известия Городск. Совета». Последние прекратили свое существование вскоре после того, как был переизбран Горсовет. «Земский Вестник» продолжал выходить до момента перехода типографии в наше распоряжение. Тогда-же вместо «Земского Вестника» тотчас-же, хотя и не без большого труда, стали выпускаться «Известия Губернского Совета». Это была первая наша газета в Тамбове.

Ко времени первого Губернского С'езда Советов добрая половина работы по захвату власти была уже выполнена. Состав С'езда был пестрый. Явились делегаты всех оттенков и направлений—от анархистов до монархистов включительно. Главным образом, с'ехались крестьяне. Большое влияние на

Съезде имели левые эсеры, хотя председателем Съезда был наш тов. Шаров. По предложению левых эсеров были приняты на Съезде и такие решения, которые с нашей точки зрения являлись недопустимыми,—как например, постановление о выборах Исполнительного Комитета в составе 72 человек. Чем это лево-эсеровское предложение было мотивировано—не помню, но помню, что по инструкции центра, имевшейся тогда у нас, Исполком надо было избрать в 25 человек. Наши попытки доказать Съезду нецелесообразность выборов Исполкома в 72 человека и необходимость подчиниться центру, успеха не имели. Этот инцидент сохранился в моей памяти вполне отчетливо в особенности потому, что он послужил вскоре поводом к конфликту между тамбовскими большевиками и левыми эсерами. Другие-же вопросы, обсуждавшиеся на Съезде, должны быть значительно более памятны тов. Гудкову, который все время Съезда находился там неотлучно, как один из активных членов комиссии по его созыву.

На этом 1-м Губернском Съезде Советов была торжественно провозглашена диктатура рабочих и крестьян по всей Тамбовской губернии. От имени Съезда была послана приветственная телеграмма Рабоче-Крестьянскому Правительству. Это были основные вопросы порядка дня, по которым мы вышли победителями. Но это была только показная сторона, которая до практической действительности была еще на довольно почтительном расстоянии. Прежде всего, необходимо было реорганизовать только что избранный, громоздкий Исполнительный Комитет, затем- по-прежнему оставался неразрешенным вопрос о Городской Думе, в которой продолжали хозяйничать прежние ее деятели. Конфликт из-за реорганизации избранного Исполкома разросся до того, что даже раздалось бряцание оружием. Появились пулеметы и на бывшем «Казначействе», где были большевики и Городской Совет, и на бывшем Земельном Банке, где находился Губернский Совет, возглавляемый левыми эсерами.

Главной вооруженной опорой у той и другой стороны являлся отряд завода № 43. Рабочие зав. № 43 входили в состав Губернского Исполкома, но *вполне солидаризировались* с фракцией большевиков Горсовета. В этом конфликте они сыграли очень важную роль. Прежде всего—они предупредили возможность жертв, а затем оказали влияние на разрешение самого конфликта в благоприятном для нас духе. Председателем Губсовета был тов. Егорлицкий, а Горсовета—тов. Чичканов. Когда тот и другой попытались использовать для вооруженного воздействия друг на друга отряд рабочих з. № 43—это им не удалось, так как тов. Козловский—начальник отряда, прислушивался прежде всего к голосу своих рабочих зав. № 43.

Помню, что в тот самый момент, когда вечером, на том и другом зданиях появились пулеметы, наши т.т. Гудков, Загузов и Носов превратились в парламентеров между враждующими сторонами. Вопрос вчерне нашел свое мирное разрешение, в ту же ночь. Было достигнуто соглашение на посылку в центр особой комиссии. Было решено, что, если эта комиссия привезет предписание Наркома Внудел тов. Петровского о немедленной реорганизации только что избранного Исполкома, эсеры должны будут подчиниться этому предписанию,—если же такого предписания не последует,—большевики обязуются до следующего С'езда отказаться от своего требования.

Утром на другой день была назначена комиссия, в которую входили т.т. Чичканов, Носов и еще кто-то от эсеров. Этим-же утром были сняты «чрезвычайные вооружения».

Предписание о реорганизации Тамбовского Губисполкома было привезено и незамедлительно приведено в жизнь.

В его составе большинство мест получила наша партия. Председателем, вместо Евфорицкого, единогласно был избран тов. Чичканов, а Евфорицкий сделался тов. председателя. В состав этого первого Тамбовского Губисполкома от рабочих зав. № 43 вошли: т.т. Носов, Гудков, Седенков, Гаврилов и Загузов. Вновь организованный Губисполком немедленно направил во все наиболее важные губернские органы своих ответственных членов. В это-же время был занят Городской банк, комиссаром которого назначили тов. Загузова. Эсеров, во главе с Евфорицким интересовал больше всего Губземотдел.

Вскоре после реорганизации первого Губисполкома,—кажется в марте,—к нам прибыла новая группа военных т.т. из областкомзапа. Она помогла нам справиться и с последней задачей, т. е. —с ликвидацией городской думы. В числе прибывших товарищей мне помнятся т.т. *Феденев, Рогозинский, Андреев, Анисимов, Вязовкин, Новиков.* С ними-же приезжали на время т.т. *Пиккель и Мясников.* Последние вскоре уехали из Тамбова. Тов. *Новикову была* поручена организация Губчека. Тов. *Рогозинский* взялся за организацию губернской партийной конференции, а остальные были направлены в городскую думу.

Так, только в марте 1918 г. в Тамбове и его губернии окончательно была установлена Советская рабоче-крестьянская власть.

Рабочий-Пороховик (И.А Гаврилов).

Первые Советы и массы

(Из воспоминаний о 17-м годе).

Вспоминая теперь о первой, февральской революции и последовавшей за ней керенщине, ясно и полно представляешь себе только гигантский, стихийный под'ем рабоче-крестьянско-солдатских масс и параллельно,—жалкую, мышиную возню тогдашних советских партий—эсеров и меньшевиков, пытавшихся с помощью своего старозаветного интеллигентского фразерства овладеть необ'ятным процессом, заключив его в узенькие, картонные рамки мещанского благодения. Теперь, пять лет спустя, упростить, ограничить, с'узить самое представление об этом гигантском процессе для более легкого его усвоения, тоже чрезвычайно трудно. Отдельные местности, не говоря уж об отдельных лицах,—совершенно выпадают из памяти. Попробуем все-таки представить себе маленький кусок этого процесса, ограниченный рамками Тамбовского Совета рамками, в которые, несмотря ни на какие рогатки, постоянно врывалась революционная масса и императивно диктовала Совету свою стихийную волю.

В первые месяцы пред Октябрьской революцией Тамбовский Городской Совет (в экстренных случаях превращавшийся в Усовет, пополняясь крестьянскими депутатами)—ежедневно заседал в зале Нарышкинской читальни. Депутатов собиралось не более ста человек, а позади, как сельди в бочке, теснилось человек до пятисот революционно настроенных рабочих и солдат, тщательно следивших за каждым словом ораторов. Большинство в Совете принадлежало эсерам, крупное меньшинство беспартийным, принявшим под влиянием «публики» большевистскую ориентацию. Большевиков не было ни одного. Руководителями, заправилами были, конечно, эсеры. Но стоило только подняться вопросу о войне, или о «всей власти Советам», как в публике поднималась буря, казалось,—все будет сметено. Стоило заикнуться с трибуны о «войне до победоносного конца», как в зале поднимался такой угрожающий рев, что вопрос снимался с очереди и откладывался до следующего раза. Эсеровский президиум постоянно грозил закрыть заседание, но это еще больше возмущало публику и эсеры прово-

дили свои резолюции на таком эзоповском, туманном языке, что понять их было решительно невозможно.

Председательствовал обыкновенно: прапорщик Качаровский, в офицерских погонах. С. Попов, лидер и теоретик местных эсеров—Шнееров. Чарноцкий, иногда вольноопределяющийся Канцельсон, с университетским значком поверх солдатской шинели. Одна уж наружность этой «головки» рабоче-крестьянско-солдатского совета—вызывала в публике сильное раздражение, проявлявшееся в крепких иронических выкриках.

Только перед самым октябрьским переворотом в Совете появилось три большевика: мастеровой Донской и солдаты—Гусев и Могилевский, оба с невышедшими еще тогда из употребления георгиевскими крестами. Публика принимала их простые речи с восторгом, с благоговением.—тут говорила сама неистовствующая масса, своим понятным языком. И когда эсеры и меньшевики уходили по отдельным комнатам на фракционные совещания, большевики об'являли, что у них секретов нет, их фракция заседает здесь, с трудовыми массами—и начинался захватительный агитационный митинг. Эсеров это приводило в бессильную ярость.

После октября был сделан бесцветный доклад о великом событии лидером эсеров, вызвавший крики публики: «Долой! Вон! Да здравствует власть Советов! Об'явить перевыборы!»... После эсера выступил с докладом тов. Могилевский, ездивший в Москву, принять участие в революционном бою. Его выступление вызвало такой взрыв энтузиазма, что председатель сложил свои полномочия и председательство по требованию присутствующих принял тов. Могилевский.

Происходившие незадолго до октябрьского переворота выборы в учредительное собрание, несмотря на все ухищрения эсеров,—дали большевикам значительное меньшинство, большевистский список (№ 7) прошел первым, после эсеровского (№ 4), несмотря на почти полное отсутствие агитации по недостатку сил и средств.

Эсеровский совет держался в Тамбове почти до февраля. Теперь эсеры занялись кликушеством о святости и неприкосновенности учредилки—«хозяина земли русской». В публике появились представители местной большевистской партийной организации.

Отпанась «деклассированной черни», эсеровские заправилы Совета перенесли заседания в местную эсеровскую цитадель, Губ. Зем. Управу, в нынешний зал Дворца Труда. Публику туда не пускали, кроме «своих». Но никакие рогатки не помогли, публика сумела пробраться и туда. Покойный тов. Кузнецов, местный старик-рабочий, приспособился открывать

дверь из коридора на сцену, где помещался президиум и торжествующая публика врывалась в зал, к великому негодованию «своих», частью располагаясь позади президиума, чем очень его «нервировала». С трибуны раздавалось кликушество учредиловцев, а в зале солдаты срывали погоны с офицеров, требуя исполнения декрета Советвласти.

Вспоминаю последнее заседание эсеровского Совета по поводу разгона учредилки. Докладчиком выступил Попов. Он взволнованно, растерянно заговорил о том, что погибла заветнейшая мечта всей его жизни—учредительное собрание. Затем закрыл руками лицо и изобразил беззвучн. рыдание. Но, увы!—вместо сочувствия, раздался взрыв аплодисментов и ликующих криков. Попов, шатаясь, сошел с трибуны, а на его место выскочил из публики старик Кузнецов. Он сказал восторженную речь о том, что вместо погибшей мечты Попова восторжествовала мечта всего трудового народа и об'явил соглашательский Совет закрытым. На этом и окончилось последнее заседание и самое существование эсеровского Совета в Тамбове.

Нельзя не отметить одного интересного явления, возникшего с начала февральской революции—это т. наз. «областничества», не оставшегося чуждым и Тамбовской губ. Так, напр., оффициально обсуждался вопрос о самочинных «Козловской и Кирсановской республиках». Эсеры после провала своей власти сделавшиеся ярыми областниками в то время всячески громили тенденции к «Козловщинам» и «Тамбовщинам» и были самыми ярыми «централистами». Областничество возникло, как протест и недоверие к тогдашнему соглашательскому центру и было революционно, что и учли большевики, использовав его для усиления разложения сил старого строя. Но оно оказалось столь заразительно, что впоследствии и Советвласть долго еще не могла изжить этого явления, которым начала пользоваться уже контр-революция. Белогвардейщина: махновщина, атамановщина и тамбовская антоновщина в значительной степени питались этой тенденцией, вызванной в массах революционным процессом.

Явление это настолько своеобразно, что несомненно должно быть учтено и изучено будущими историками Великой Русской Революции.

М. К.

Из воспоминаний о 18-ом годе,

I. Дьякон Меркулов.

Когда отдаленься теперь на пять лет назад, —убеждаешься, что отдельные лица и события, уже основательно позабыты и восстановить их в памяти довольно трудно. Они кажутся, не недавно пережитыми реальными фактами, а какою-то ушедшей в глубь времен сказкой, феерией, Шахеразадой. Может быть, еще через пять лет и наше сегодняшнее суровое, трезвое время будет маячить, тоже как фантастическая романтика,—повидимому, таков закон исторической перспективы. Ведь и нам, в то время казалось, что мы чрезвычайно трезвые, реальные политики.

Постараюсь припомнить фигуру доморощенного «большевика», одного из «Наркомов Тамбовской губернии»—дьякона Меркулова, с треском пролетевшего и исчезнувшего с тамбовского небосклона, почти в одно мгновенье,—в несколько первых дней после захвата власти в Тамбове Советами.

С Меркуловым,—«дьяконом», как его звали товарищи, я встречался в редакции, только-что народившихся, вернее нарождавшихся,—«Губизвестий». Оригинальную группу представляла редакционная коллегия. Формально, она состояла из очень большого числа лиц: левые эс-эры—предгубисполкома, студент-путеец Евфорицкий, студент-агроном Ляшок, студент-медик Панов, народный учитель Каверда, большевик, рабочий завода № 43, тов. И. А. Гаврилов и я, только-что уволившийся с позиции,—«за ранениями» солдат, беспартийный, сочувствующий большевикам. Фактически редакторов было два, я и тов. Гаврилов, эс-эры приходили, выражаясь по нынешнему—мешать, т. е. попить чаю и устроить шумную дискуссию по текущему моменту; тогда такие дискуссии казались очень важными и помехой делу не считались,—да может быть мы были и не так уж неправы,—ведь в порядке дня стоял жгучий вопрос о войне, или мире с Германией, а за ним тянулись не менее жгучие—о судьбе династии, о социализации и национализации и пр...

Партийные «теоретики» (верхов, по крайней мере в провинции, тогда еще не было)—подозрительно косились на эс-

эров и были конечно правы. «масса»-же хотя и вступала с ними в беспощадные дискуссии, но в общем относилась по приятельски.

В этой теплой редакционной кампании я раза два и встречался с «дьяконом». Странное впечатление производил этот «большевик» в рясе,—поп, а крайний революционер! Дьякон больше был похож на анархиста, бунтаря, чем на марксиста, да о марксизме он конечно ничего и не слыхал, но тогда это никого не удивляло,—целыми полками записывались в партию—стоял вопрос, о завоевании масс. Дьякон беспощаднее всех громил интеллигентов-эс-эров, требовал немедленного расстрела династии, генералов, буржуев—и казался искренним. Он обладал грубым, циничным остроумием, ошеломлявшим противника. Это был типичный демагог, без всяких твердых устоев, казавшийся несколько ненадежным и легкомысленным, но простецкий, компанейский малый, что и внушало к нему нельзя симпатию.

В это время производился своеобразный «референдум», по всем российским Губсоветам, о заключении мира с Германией. Вопрос и в Совете, и вне Совета дебатировался в очень острых формах. В Тамбовском Губсовете, почти единогласно господствовала «боевая» тенденция. Даже такой «массовик», как тов. Гаврилов, в частных беседах соглашавшийся, что воевать мы не можем, оффициально не считал возможным стать на эту «солдатскую» и единолично ленинскую точку зрения. Тамбовский Совет голосовал за продолжение войны и только пять человек высказались за немедленный мир—«похабный мир»—по выражению левых эс-эров. В числе этих пяти был один анархист, два беспартийных и два большевика, один из них, дьякон Меркулов. Через два дня из центра была получена телеграмма, с решением заключить мир. Дьякон чрезвычайно гордился своей политической дальновидностью.

Возможно, что из него, в процессе товарищеского партийного воздействия получился-бы вполне удовлетворительный, рядовой политический работник. Но случай все повернул иначе и «с места в карьер» вышиб злосчастного дьякона, и из партии и из жизни.

Губисполком послал Меркулова в командировку, в уезд, также для ликвидации помещиков. Дьякон был любитель выпить и вероятно сильну попал на помещичью удочку. В одном из имений он засел пьянствовать с местным помещиком. Крестьяне возмутились таким поведением представителя народной власти, окружили дом и стали бить стекла. Дьякон выскочил на крыльцо и вздумал усмирить толпу своим «подмоченным» авторитетом. Грубо приказал разойтись и, по рассказам свидетелей—грозил револьвером. Толпа окончательно

рассвирепела, жестоко избила пьяного дьякона и разгромила усадьбу.

К ночи дьякона привезли в тамбовскую больницу с проломленной головой, где он вскоре и умер.

Ни партия, ни совет его не хоронили, о смерти его даже не появилось никакого извещения. Дьякон был предан забвению и его немедленно забыли.—Не до него было.

Действовал-ли дьякон, как сознательный провокатор, или просто был беспринципным, беспардонным авантюристом—осталось невыясненным.

2. Сермягин.

Не знаю, сохранились-ли какие нибудь документальные следы, о Сермягине и его деле в архивах Губкома и Губисполкома. В моей памяти остались кой-какие воспоминания и впечатления, об этом кратком, трагическом эпизоде в жизни революционного Тамбова. Более полные сведения по этому делу могли-бы дать рабочие завода № 43 т.т. Гаврилов и Носов. Расскажу то, что случайно известно мне.

Сермягин приехал в Тамбов на пост Губернского Продкомиссара, в начале марта 1918 года и повел крайне предосудительный образ жизни. Получая 500 руб. в месяц, он почти открыто пьянствовал, устраивал кутежи, обеды и ужины, стоимостью до двух тысяч, в компании с лицами привезенной с собою добровольческой команды из матросов и солдат. Чрезвычкома тогда еще в Тамбове не существовало, поэтому расследованье дела было поручено советской комиссии, которая и установила, что Сермягин в несколько дней прокутил тысяч до пятидесяти.

Тогда еще не были изжиты областнические тенденции, перешедшие к Советвласти по наследству от керенщины. «Федерация» понималась на местах, скорее как «конфедерация», а пресловутая формула—«власть на местах», как равенство и даже преобладание (для мест)—местной власти над центральной, местного Совнаркома и Губисполкома над Всероссийскими. Это толкование особенно поддерживалось и культивировалось левыми эс-эрами, которые в тамбовском Совете имели большинство. Поэтому и нашли возможным, по праву «революционной целесообразности», как тогда выражались, ликвидировать на месте преступную деятельность центровика Сермягина.

Не знаю, вменялись-ли Сермягину другие преступления, кроме дискредитированья Советвласти кутежами на преступно приобретенные средства? Какое по его делу было постановление Губисполкома?—Только дальше произошли следующие события, части которых я был свидетелем.

Часов в 12 ночи я шел по Советской ул. из редакции Губизвестий. Была мартовская распутица. Смотрю—на углу Дубовой у. стоит взвод кавалерии, а дальше, по тротуарам, группы рабочих с револьверами в руках, особенно многочисленные на углах. Прохожих опрашивают и подозрительных сворачивают в боковые улицы. Я был уже у Покровской у., когда, вдруг с обоих концов Советской, началась частая стрельба. Стреляли со стороны Дубовой и от Лермонтовской. Прохожие в панике бросились в подворотни и на под'езды. По мостовой гонялись друг за другом какие-то люди и в упор стреляли из револьверов. Один солдат бежал отчаянно крича, с огненным пятном во всю спину,—его угостили зарядом из охотничьего ружья, благодаря сильному ветру, от попавшего на шинель пыжа, сукно начало тлеть и моментально разгорелось в огромное огненное пятно... .

Спрашиваю у стоящего на углу Лермонтовской у. милиционера, что это за побоище? Он, путаясь ответил, что арестовывают какого-то «комиссара».

На следующее утро я сообщил о ночном приключении своему товарищу по редакции И. А. Гаврилову и узнал от него, что это арестовали Сермягина, который с частью своей команды оказал сопротивление, но все окончилось быстро и благополучно,—Сермягин взят, а команда разоружена.

Через день, или два, Сермягин был публично расстрелян около быв. Нарышкинской читальни, под руководством одного из членов Губсовета. В Тамбове за всю революцию это единственный случай публичной казни. После расстрела, руководивший этим делом товарищ сказал собравшейся публике краткую агитационную речь в том смысле, что вот как Советвласть карает пробравшихся в ее ряды негодяев и преступников, какой-бы высокий пост они ни занимали.

По другой версии, проходя под конвоем по улице, Сермягин пытался бежать, за что и был расстрелян, после чего упомянутый товарищ и произнес перед собравшейся публикой свою речь.

Вот все, что осталось у меня в памяти, от этого забытого теперь эпизода.

3. Мятеж 17—19 июня 1918 года.

В моих воспоминаниях июньский мятеж 1918 г. тесно связан с моим трехдневным «увоенкомством». В конце мая, или начале июня, тов Гаврилов был избран председателем Усовдепа. Все учреждения уезда были подчинены тогда уездному Совету. Тов. Гаврилов предложил мне занять должность, либо начальника уездной милиции, либо второго военного комиссара, при первом тов. Бедейце. Тов. Бедейц был неопытный

юноша, не старше двадцати лет и, по мнению тов. Гаврилова, ему трудно было управляться и ориентироваться среди банды всяких воспруков и прочих технических работников, скрытых контр-революционеров и саботажников из рядов царского офицерства. А момент был острый,—проводилась первая советская мобилизация, долженствовавшая влить новые силы в истомленные борьбой ряды, дотоле добровольческой Красной армии. Я согласился занять должность члена коллегии Увоенкомата и 14 июня, по окончании немногих формальностей отправился из редакции в Увоенкомат. Там, не обнаруживая своих полномочий, я попросил указать мне местонахождение тов. Бедейца, но от всех «барышень» и каких-то не то прапорщиков, не то студентов получал только грубые окрики, а в то время строжайше требовалось, по возможности, предупредительное и во всяком случае вежливое обращение с посетителями советских учреждений. Не добившись ничего, я сам добрался до кабинета военкома и вошел. Здесь был только один человек, как оказалось впоследствии, делопроизводитель. Толстая, старая свинья, бывший подполковник—сидит и жрет бутерброды, прихлебывая их чаем.—Зверский взгляд в мою сторону и окрик: «Что надо? не видишь я занят?»—Я было начал объясняться, но он затопал, завертелся на стуле, проявив упорное нежелание разговаривать. Делать нечего—вышел. Наконец, сторож проводил меня в столовую, где я и застал тов. Бедейца за общим обедом.

Такие нравы в мобилизационном органе, за два дня до начала исключительной важности мобилизации, не предвещали ничего хорошего. До этих пор, в период передышки, Советвласть и крестьянство переживали «медовые месяцы» своих отношений. С об'явлением мобилизации следовало проявить огромный такт, особую распорядительность, заботливость и осторожность, чтобы не превратить этих «медовых» отношений в «полынные».

Знакомясь с результатами мобилизационной работы комиссариата, я к ужасу своему не нашел ничего, кроме преступного разгильдяйства. День мобилизации, 17 июня—приходился в понедельник, так что в моем распоряжении были суббота и воскресенье. Узнаю, что ни квартир, ни питательных пунктов, ни продуктов на всю ожидавшуюся массу крестьян не заготовлено. Партии из деревень уже прибывают и часами бродят по городу, отыскивая приюта. Развивается недовольство, которым пользуются многочисленные агитаторы-эсеры.

Изложив все это в заседании коллегии, в присутствии воспрука, старого штабс-ротмистра пограничной стражи, я потребовал немедленного отвода под квартиры крупных зданий из под советских учреждений, устройства питательных пунк-

тов и посылки партийных агитаторов на вокзалы и заставы для встречи запасных, которых пока встречали эсеры. Тов. Бедейц со мной согласился, военрук небрежно помалкивал. Но, повидимому, военный авторитет военрука для т. Бедейца значил больше, чем мое солдатское мнение. Я в нем не замечал ни малейшего опасения за судьбу мобилизации, тогда как положение оставалось прежним и ни одно из моих требований не было исполнено.

В понедельник 17-го, явившись часов в 8 утра в Увоенкомат, я никого там не застал. Наконец, около девяти появились тов. Бедейц, военрук и прочие. Они и тут не проявили ни малейшего сомнения и беспокойства, хотя ни одной из требуемых мною мер так и не провели. Узнав, что весь немногочисленный гарнизон разбросан по городу, по караулам и патрулям,—предлагаю собрать его весь в одно место, к складам оружия, чтобы было хотя на кого опереться при неизбежной катастрофе, но и это оказалось невозможно—«не порядок!» Я не мог отнестись к этому иначе, как к явной контр-революции и когда тов. Бедейц отказался ехать со мной к тов. Гаврилову, я отправился один. Тов. Гаврилов сидел в Уисполкоме, за текущей работой. Он был крайне удивлен моими сообщениями и на мое заявление о том, что я слагаю с себя ответственность за неизбежные кровавые события и прошу меня немедленно отчислить от должности—он предложил мне широкие полномочия. Но я считал, что уже поздно поправлять дело обычным порядком и соглашался работать только при условии немедленного, безотлагательного ареста Укомиссариата, немедленной отмены мобилизации и возвращения прибывших и подходящих к городу крестьян по домам с тем, чтобы вслед за этим назначить новую мобилизацию, проведя ее по волостям в более организованном порядке. На это тов. Гаврилов не согласился, т. к. это значило неисполнение и самочинное изменение декрета,—вот насколько к этому времени уже были изжиты областнические тенденции, что на этот раз послужило к огромному вреду для общего дела.

Тов. Гаврилов был очень расстроен моим уходом, но к неизбежность и даже просто возможность мятежа, все-таки не поверил и продолжал обычную работу. Через час к нему явились служащие Уисполкома с просьбой отпустить их домой, т. к. в городе начались беспорядки. Он обругал их за недопустимую панику, основанную на бабьих сплетнях и приказал заниматься делом. И только, когда еще через час, служащие разошлись самовольно и в разных концах города началась стрельба.—он понял, что житие стал совершившимся фактом. То же было и во всех учреждениях. Поэтому и попала в плен такая масса самых ответственных местных работников. До 30

человек коммунистов и комиссаров, во главе с Предгубисполкома тов. Чичкановым были посажены в тюрьму. Тов. Гаврилов с трудом ушел за реку, его обстреливали и преследовали по лесу, пока ему не удалось скрыться в болоте. Отсидевшись, он добрался до станции Ляда, а оттуда проехал на поезде в Кирсанов. Товарищу Бедейцу удалось выскользнуть из Увоенкомата и скрыться в городе.

Невольно напрашивается мысль,—что-бы было, если-бы тов. Гаврилов убедился в неизбежности мятежа? Я совершенно уверен, поскольку я знаю тов. Гаврилова, как беззаветного революционера, что он не поколебался-бы рискнуть на выполнение моего предложения. Я уверен, что при быстроте и решительности крестьян можно было вернуть обратно и мятежа не произошло-бы. Но для нас с тов. Гавриловым получилось-бы такое поучительное положение: мятежа не было, а мобилизация сорвана,—нарушен важнейший декрет. За это конечно, ничего другого нельзя было ждать, кроме немедлен. расстрела.

Чем можно было-бы доказать неизбежность мятежа?

Ничем.

Выйдя от тов. Гаврилова, я успел сходить искупаться и придти домой. На улицах замечалось беспокойство. Призывные угрожающими толпами разгуливали по городу. Часов в 12, сидя уже дома, я услыхал пулеметную и ружейную стрельбу с угла Советской и Приютской улиц. Это взбунтовавшиеся запасные осадили бывш. Епархиальное училище, где засели пленные венгерцы и немцы, об'явив себя защитниками Советвласти. Через несколько минут многие из них были перебиты и перераненны, остальные разоружены. Толпы запасных, захватив оружие и раздав часть его публике, бросилась на оба Военкомата и «Колизей», под руководством эсеров, бывших офицеров и инструкторов гарнизона, который будучи распылен на мелкие группы, ничего иного не мог сделать, как уйти за реку и рассеяться по лесу. Через два часа все было кончено. Город был в руках крестьян. Эсеры и офицеры с'имровизировали «власть». Начальником несуществующего еще белого гарнизона об'явили бывшего генерала Богдановича, воображаемую гражданскую власть «возглавил» лидер местных эсеров прапорщик Кочаровский.

Из арестованных коммунистов и комиссаров Губвоенком тов. Балабуев и член коллегии Губчека тов. Фукс были избиты веревками.

Эсеры и офицеры хотели использовать запасных для организации армии, но те послали их «куда следует» и разошлись по волостям, унося с собою ружья и пулеметы. К ночи в городе не осталось ни одного крестьянина. Тогда бело-эсеры

вооружили гимназистов, заняли ими городские караулы и направили их на розыски коммунистов и вообще «подозрительных». Жители не верили в серьезность переворота и я не знаю ни одного случая выдачи партийных и советских работников.

Первая ночь прошла спокойно. 18-го появился № 1 эсеровского бюллетеня, в котором об'являлось, что переворот произошел по всей России и в центре. Но этому плохо верили. Только некоторые офицеры не стерпели и напялили погоны.

Я сидел дома, получая от знакомых и товарищей известия о гнусностях развернувшейся белогвардейщины, об эсеровских митингах на жел. дороге и высчитывал, когда можно ждать помощи от тов. Киквидзе из Поворина. Но выручка пришла гораздо раньше и совершенно неожиданно.

На рассвете, с 18-го на 19-ое, в городе началась пулеметная стрельба и в ответ ей послышалась ружейная за городом.

Никогда в жизни я не переживал такого внезапного, радостного под'ема!—Что за чудо? Не мог-же так скоро явиться Киквидзе?

Но дело оказалось простое. На дворе духовного училища, окруженные пулеметами, помещались 20 человек пленных красноармейцев из так наз. Мицского отряда. Улучив момент, они бросились на пулеметы, овладели ими и открыли стрельбу по своей белой страже. В ответ началась стрельба за городом. это рассеявшиеся по лесу красноармейцы, соединившись и организовавшись, без инструкторов, начали наступление на город. Белые в панике разбежались, почти нигде не оказав сопротивления.

В шесть часов утра над Колизеем уже развевался Красный флаг, а я спешно составлял и редактировал бюллетень восстановленной Советвласти, который в 2 часа дня уже продавался нарасхват ошеломленным обывателям, вместо ожидавшегося № 2-го эсеровского.

Вечером прибыл из Кирсанова тов. Гаврилов с отрядом рабочих, а 20-го явился тов. Киквидзе из Поворина, но оба, несмотря на невероятную быстроту, опоздали. Советвласть была уже восстановлена местными силами.

Для описания, хотя-бы и краткого, всех интересных эпизодов, этого быстро мелькнувшего исторического события, потребовался-бы целый отдельный сборник, поэтому я закончу выдержкой из приказа № 1 Губвоенкома и командующего войсками тов. Валабуева от 19-го июня 1918 г., пункт 3:

«1-й Тамбовский Советский полк честно исполнил долг революционеров. Все красноармейцы, *без инструкторов* (курсив в подлиннике), сегодня на рассвете восстановили Советскую власть в г. Тамбове и освободили из тюрьмы Членов Исполня-

тельного Комитета, Комиссаров и других товарищей, от имени которых приношу вам, друзья и товарищи, мою искреннюю благодарность. Вы спасли нас от расстрела. Товарищи, вы мною сделали сегодня. Вы можете со спокойной совестью отдохнуть».

М. Колосов.

ВАДИМ ПОДБЕЛЬСКИЙ.

(1887—1920)*

Отец Вадима Подбельского. Павлий Павлович Подбельский, сын священника, студентом I курса в административном порядке был выслан в гор. Якутск (Восточная Сибирь), — за поцелуйчину, данную им товарищу министра просвещения Сабурову, на университетском акте. В Якутске П. П. Подбельский женился на одной из активных революционерок 80-х годов, работавшей в партии «Народной Воли», сосланной царским правительством также в Якутск.

От этого брака в 1887 году родился Вадим Ник. Подбельский, впоследствии первый нарком почты и телеграфа. В. Н. лишился отца в младенческом возрасте, при таких обстоятельствах: П. П. Подбельский, популярный среди политических ссыльных Якутска, во время беспорядков, по поводу высылки ссыльных в еще более глухие дебри Восточной Сибири,—был выбран товарищами делегатом к губернатору, для изложения требований ссыльных. Губернатор отдал охране приказ—разогнать толпу ссыльных. Ссыльные оказали сопротивление. В происшедшем вооруженном столкновении был убит отец В. Н.

Когда В. П. было полтора года, мать его (Ек. Петровна Подбельская), отбывши срок ссылки, переехала в гор. Минусинск, Енисейской губ. Переезд совершался в крайне тяжелых условиях (семья Подбельского питалась полусырой картошкой), при переправе через реку Лену, В. Н. едва не утонул. В Минусинске В. П. прожил до 8-ми лет, научился здесь читать и писать, под руководством матери. Ребенком В. П. был живым и способным. По семейным соображениям, В. Н. в Минусинске заочно был усыновлен своим дядей Николаем Павловичем Подбельским, проживавшим в Саратове.

На десятом году В. Н. уехал в Тургайскую область (Западная Сибирь), к дедушке Павлу Вас. Подбельскому, прожил здесь около двух лет и перебрался в Европейскую Россию, в Саратов, к дяде Ник. Пав. Подбельскому. В Саратове В. Н. поступил во 2-ю мужскую гимназию. Дядя В. Н. образованней-

(* По воспоминаниям матери, полученным путем интервью.

ший человек (окончил Казанский и Дерптский ун-ты), по профессии врач, обладал недюжинными литераторскими способностями и принимал активное участие в саратовской прессе. Юный В. Н. учился и воспитывался при непосредственном наблюдении своего дядюшки, дававшего восприимчивому мозгу племянника богатую и разнообразную духовную пищу. В. Н. прожил у дяди год с небольшим, перешел во 2 класс и на каникулы уехал к семье в Суздаль. Из Суздали семья Подбельских переехала в Тамбов, где В. Н. поступил во 2-й класс казенной мужской гимназии.

Таким образом, раннее детство и отрочество Вадима Подбельского отмечены непрерывными скитаниями, иногда в очень суровых условиях. Эти скитания, частая смена разнообразнейших впечатлений—дали ранний и могучий импульс от природы бойкому мышлению мальчика. Окружающая среда активных революционеров, пример близких, родных—все благоприятствовало формированию в молодом Подбельском энергичной стойкой натуры активного борца с полицейщиной и всем старым режимом. Таким помнят Вадима Подбельского в гимназические годы: вдохновитель и организатор гимназических беспорядков, неутомонный протестант против казенного чиновничьего формализма, ретиво насаждаемого в старорежимных школах.

Вадим Подбельский был способным и дельным учеником,—так о нем отзывались преподаватели. Он увлекался театром и музыкой, играл на скрипке и пел. Но еще в 4-м классе Вадим почувствовал интерес к политической жизни страны, а в 5-м основательно изучал программу партии социал-демократов. Все свои средства, получаемые от уроков (которых у В. Н., как у хорошего ученика было не мало), Вадим тратил на приобретение литературы, трактующей вопросы социализма, увлекался Плехановым и Бакуниным, читал Энгельса и пр. Увлечение «нелегальной» литературой немало вредило В. Н. в глазах начальства и часто приводило его к большим неприятностям. Увлечение В. Н. программой социал-демократов было странным и непонятным для его друзей и близких: казалось бы Тамбов, в котором тогда было много эсеров, совсем мало эсдеков,—не располагал к такому увлечению.

На школьной скамье в ученических журналах Вадим Подбельский впервые пробовал свое перо журналиста, впоследствии доставившее немало огорчений почтенным «отцам города», и не раз потревожившее безмятежное пьянство губернаторско-полицейской власти.

В 1905 году В. Н., ученик 7-го класса, принял деятельное участие в гимназических беспорядках. В забастовке учащихся средней школы Тамбова В. Н. играл руководящую роль. В ча-

сле других он ездил в Саратов агитировать среди учащейся молодежи за присоединение к тамбовской забастовке и, в числе одиннадцати главарей бастующих, В. Н., распоряжением губернатора, был арестован и посажен в тюрьму.

По истечении срока ареста, губернатор Янушкевич предложил В. Подбельскому выехать «на некоторое время» заграницу. Через друзей В. Н. получил место домашнего учителя сына богатой помещицы Устиновой, проживавшей постоянно в Ментоне (южная Франция).

Заграницей, в доме богатой «меценатки», В. Н. часто встречался с виднейшими представителями русского литературного и артистического мира. Год пребывания заграницей дал В. Н. немало—в смысле общего развития и зрелости.

Соскучившись по России, В. Н. вернулся в 1907 г. в Тамбов. Возвращение в Россию было сопряжено с большими трудностями: В. Н. не отбыл полностью срока высылки, (он должен был прожить за-границей два года),—и подвергся преследованиям русских властей. На границе он едва не был арестован. Спасаясь от ареста, В. Н. бросил весь свой заграничный багаж, в том числе много типографского шрифта, который он думал провезти в Тамбов, и начать издание своей газетки.

В Тамбове, через месяц после возвращения, В. Н. снова был арестован и выслан в гор. Яринск, Вологодской губ. В Яринске В. Н. пробыл около 2-х лет. Здесь он женился на политической ссыльной Анне Андреевне Ланиной, примыкавшей тогда к социал-демократам, (теперь—коммунистка, занимающая в Москве ответственный партийный пост по работе среди женщин). В жене В. Н. нашел стойкого и верного друга-единомышленника.

В Яринске полиция вела усиленную слежку за В. Н., и под пустячным предлогом, арестовав его, сначала заключила на месяц в тюрьму, а потом выслала в Сольвычегодск. Отбывши срок ссылки, В. Н. снова вернулся в Тамбов уже вполне зрелым человеком (лет около 24-х). Ссылка закалила его, дала необходимую выдержку и твердость духа.

В Тамбове Подбельский усиленно занялся журналистикой. Вместе с небезызвестным литератором Чаровым и своим братом Юрием, Вадим Подбельский затеял издание городской газетки «Тамбовская Жизнь». В. Н. работал в газете, не покладая рук, писал статьи, фельетоны, рецензии, наблюдал за версткой газеты и до поздней ночи ожидал первого оттиска. Наборщики и печатники тамбовских типографий хорошо помнят Вадима Подбельского. Рабочие любили журналиста Подбельского и с охотой работали в его газете, набирая задорные, полные живого юмора статейки «Буки».

Под редакцией Подбельского в Тамбове, в последние перед войной годы выходили газеты «Тамбовская Жизнь», «Тамбовский Листок», «Тамбовские Отклики». В этих газетах солоно приходилось местной бюрократии и буржуазии. Губернаторы—Муратов и Салтыков свирепо штрафовали редактора (бывало, что и в тюрьму прятали). Если штрафы не помогали—газета закрывалась. Неугомонный журналист Подбельский не терялся и под другим названием возобновлял издание газеты. Так, была закрыта «Тамбовская Жизнь», на смену явился «Тамбовский Листок»—газетка того же характера и внешности. Закрыли «Тамбовский Листок»—появились «Тамбовские Отклики». Газеты Подбельского имели большой успех среди населения Тамбова, и с этим успехом иногда считался губернаторский произвол.

Помимо тамбовских газет, Подбельский сотрудничал в московских изданиях. Так, он был постоянным корреспондентом «Русского Слова».

В 1915 году Подбельский выехал из Тамбова в Москву. В октябре 1917 года принял активное участие в перевороте—на стороне восставших рабочих и солдат. Непосредственно после Октябрьского переворота, Подбельский вступил в партию большевиков и был назначен народным комиссаром по делам печати, а вслед за этим—народным комиссаром почты и телеграфа. К 1919 году ВЦИК командировал Подбельского в Тамбов. губ. в качестве уполномоченного. Было время напряженной борьбы с казачьими отрядами Деникина, наседавшими на южные окраины губернии. Прорыв конницы Мамонтова застал Подбельского в Тамбове.

Это был последний приезд Вадима Подбельского в Тамбов. В 1920 году в Москве нарком Подбельский, на субботнике натер ногу, получил заражение крови и скончался 33 лет. На похоронах Подбельского была многотысячная толпа коммунистов, рабочих и красноармейцев. Эта толпа, как нельзя лучше, подчеркнула заслуги Вадима Николаевича Подбельского перед пролетарской революцией.

Б Живоглядов.

Из воспоминаний о В. Н. Подбельском.

(Несколько кратких штрихов.)*

Отец Вадима был редкостный человек. Чуткий и отзывчивый на запросы времени, поэт и писатель на научные темы,— он подавал большие надежды и оправдал бы их, если бы не унесла его преждевременная смерть. Сосланный в Сибирь за пощечину, данную министру народного просвещения, он погиб там трагически: его проколол штыком жандарм, от насилия которого он бросился спасать женщину.

Родился и вырос отец Вадима в семье сибирского самодура-священника. В этой же семье после смерти отца провел свои первые годы и Вадим, испытав на себе гнет мелко-буржуазной семьи деда. Переехавши в Саратов, он, несмотря на свою молодость, повел самостоятельную жизнь.

Однообразие гимназической жизни нарушается для него поездками на каникулы к семье,—сначала в г. Суздаль, потом—во Владимир. Эти поездки давали богатую пищу его любознательности. К этому времени относятся и мои первые непосредственные впечатления о брате. Он был подвижным, среднего роста мальчиком, совершенно лишенным сентиментальности, чем он заметно отличался от старшего брата Юрия **). Он любил «все конкретное». Трезвость взглядов на все навсегда осталась его отличительной чертой.

С переездом семьи в г. Тамбов и Вадим (лет 13) перебрался из саратовской гимназии в тамбовскую. Учебные занятия здесь он находил еще более скучно и сухо поставленными, чем в Саратове. Немного подросши, он усиленно занялся самообразованием,— вместе с братом Юрием, с которым тогда у него еще не было, конечно, никаких расхождений во взглядах. Они вместе выписывали журналы научного содержания, завязывали тесные знакомства с наиболее передовыми из своих учителей, один из которых (я его и сейчас помню) бывал у нас на квартире.

*) *От редакции:* Воспоминания принадлежат брату В. Н. Подбельского по матери — художнику Н. Белоцветову. Госиздат сожалеет, что тов. Белоцветов дал только „краткие штрихи" для первой книги сборника и надеется в будущем заполучить от него и напечатать воспоминания более подробные.

**) Ю. Н. Подбельско говпоследствии видного эсэровского „деятеля" замешанного даже в антоновщине.

В гимназии Вадим был непременным участником дебатов на политические темы.

Немного позднее,—около 1905 года, когда убеждения Вадима и его брата начали определяться,—между ними происходили формменные стычки, которые ярко врезались в мою память.

После событий 1905 года, перенесши и первый арест и исключенный «за неблагонадежность» из гимназии, Вадим провел год заграницей. Фотографии, присылаемые им оттуда, изображают его «джентльменом», но это только с внешней стороны,—внутренне он мало изменился,—пополнил лишь образование, житейский опыт, стал понимать и ценить искусство, насмотревшись на его шедевры в Италии, куда Вадим выезжал из Ментона.

Возвратившись из-за границы в Тамбов, Вадим вскоре был выслан в Вологодскую губернию, откуда уже почти не писал семье. Известно, что там он усердно занялся серьезным изучением социальных вопросов; возможно, что этому способствовала вся среда политических ссыльных. Свои занятия он продолжал и вернувшись из ссылки в Тамбов. Я как сейчас помню солидную книгу «Капитала» Маркса, постоянно лежавшую на его столе и упорно им изучаемую.

С этого времени кончаются мои наблюдения, так как учащаются мои поездки то в Москву, то во Владимир и др. места. Туда до меня доходят то газеты с его статьями, то слухи о его выступлениях в Москве уже в качестве Наркома Печати и Почтеля.

Осенью 1918 года, я, приехавши в Москву,—впервые после долгого перерыва, увидел Вадима и меня поразила происшедшая в нем перемена. Деловитый, он говорил отрывисто, лаконически. О семье ограничился только самыми короткими вопросами и затем сейчас-же стал звонить куда-то по телефону. Вообще,—видно было, что ему не до разговоров. Таким серьезным, поглощенным в работу коммунистом его знают все,—таким он и умер,—даже ничего не сообщив семье о своей болезни...

В. Белоцветов.

Последние дни эсеро-бандита Антонова.

(*Из записной книжки чекиста*).

Восстание в Тамбовской губернии, поднятое бандитом Александром Антоновым, вкупе и влюбе с кулацким элементом деревни и взятое под свое «идейное руководство» партией с.-р., особенно разгорелось в феврале—мае 1921 года, когда на бандитские полчища Антонова наша партия были вынуждена двинуть целый ряд специально мобилизованных, уже не раз испытанных в борьбе товарищей со всех уголков Р. С. Ф. С. Р.

Помню март месяц 1921 г., когда мы, в числе 100 человек под'ехали из Москвы к Тамбову. Чем ближе подвозил нас поезд к «вотчине» Антонова, тем больше и больше чувствовался дух партизанской войны. В вагонах только и разговору было, что о разгулявшихся полчищах, о проделанных ими зверствах, о массовом убийстве ни в чем неповинных женщин и детей—семей коммунистов и красноармейцев.

Тамбов имел вид военного лагеря, куда собрались войска всех родов оружия. Первые дни было трудно работать. Отсутствие связи, паника, наведенная бандами в деревне, создавала невероятные трудности. Всем было ясно, что дело—за Красной Армией, что в первую очередь необходимо разбить и разсеять бандитские партизанские армии в составе 20 полков разных наименований.—в том числе—«особый» полк Антонова, состоявший сплошь из башибузуков-головорезов-дезертиров Красной Армии.—сподвижников Антонова с 1918 года. Наше дело было бить банды в затылок, сорвать, спутать все карты «идейного» фундамента бандитско-партизанского движения, ликвидировать явные в райспах, об'яты восстанием и подпольные там, куда восстание еще не докатилось эсеровские ячейки—так называемые Союзы Трудового Крестьянства (СТК), сплошь состоящие из кулаков и сельской интеллигенции, которая, к слову сказать, была почти сплошь эсеровской закваски.

Работа по борьбе с врагами Советвласти, свившими себе гнездо в недрах темных, обманутых масс Тамбовского крестьянства закипела. В течение лета Красная Армия короткими

стальными ударами разбила, рассеяла, навела панику на разросшиеся бандитские сонища. Чека незаметными ударами разогнала эсеро-кадетских мышей бандитского подполья, руководивших восстанием. Тамбовцам памятен арест в июне 1921 г. Тамбовского адвоката-кадета Федорова и уже с ним, свившего гнездо под флагом отделения «Главной петроградской конторы Авто-Гужтранспорта» на Флотской улице 12, где находился один из пунктов Антоновщины и откуда одни нити тянулись в бандитские полки, а другие—в Москву и далее за-границу—к главным палачам русского трудового народа.

В короткой статье, по заметкам в записной книжке, трудно изложить все перепитии тяжелой и ответственной работы по ликвидации антоновщины. Сколько отдельных эпизодов беззаветной борьбы частей Красной Армии всех родов оружия—в том числе и воздушного флота! Сколько товарищей, уходивших туда «за кардон» в гущу бандитских войсковых об'единений, не вернулось обратно к нам, ожидавшим их днями и, когда истекали все сроки, лишь молчаливо снимавшим шапки, с ярким представлением о зверской расправе, учиненной над ними. И рука крепче сжимала Маузер и мозг еще лихорадочнее работал!..

Дело защиты рабочей революции от натиска эсеро-бандитов находилось в надежных руках. Имена т.т. Антонова-Овсеенко, Бориса Васильева, Самсонова, Левина—еще свежи в памяти. Под их мудрым руководством подавление восстания проводилось с наибольшей возможной мягкостью с наименьшим количеством жертв и крови, которая, по вине лакеев буржуазии, предателей родины и революции эсеров, и так уже изрядно залила степи, овраги и буераки Тамбовской губернии. Рабочий класс и трудящиеся Тамбовской губерн. познали «друзей и «освободителей» своих по делам их,—с отвращением и дрожью отвернулись от эсеро-бандитов. Когда-же будет время по имеющимся материалам, раскрыть все детали эсеро-бандитской преступной работы, во всей наготе воскресить мысли и поступки негодяев, говоривших одно, а делавших другое, не найдется на земле слов презрения и ненависти, подходящих для этих «друзей народа».

Помню,—через две недели—после нашего приезда, разгулявшееся воронье заняло 11 апреля Рассказово и впродолжение четырех часов грабило этот, один из промышленных пунктов губернии. Достаточно было четырем аэропланам показаться над селом, чтобы напуганная банда, предводительствуемая самим главарем Антоновым, умчалась с награбленным в степь на лучших мужицких лошадях, отнятых под свист нагаек и стоны избиваемых и плачущих крестьян и женщин. Конница тов. Дмитриенко было поручено нагонять и рассеивать банды. На-

всегда запечатлелись трупы зверски вырезанных во время сна советских работников и коммунистов и никакая С.-Р. «декларация» не смоет их из памяти.

Рассказовский с.-р. заговор, в котором участвовал пом. командира Коммунистической роты Слюняев и сподвижники кадета Федорова—один полковник, фабриканты Черемушкины и др., был последним их заговором, последней помощью Антонову. Слюняевы, уцелевшие с бандами из Рассказова и еще в течение одного-двух месяцев оперировавшие в качестве взводных командиров антоновского Особого полка, были уже не страшны существованию Советской власти Тамбовской губернии. Налет на Рассказово был последним болезненным укусом эсеро-бандитов в спину Тамбовских трудящихся: в течение лета Красная Армия сдавила железным кольцом бандитские скопища, в панике носившиеся по Тамбовским лугам и полям, подбадривающие себя всевозможными слухами-бреднями о своих мнимых успехах в Советской Республике.

Один за другим сдавались в плен и разбегались куда глаза глядят «антоновские полки», почувствовавшие железный кулак Советской Власти и каявшиеся в содеянном. Распадались повстанческие комитеты СТК со своими политическими, продовольственными и другими отделами. Волостные, районные и уездные комитеты перестали существовать и сам «батько»—председатель Губернского Комитета СТК—Плужников попал под пулю в землянке каменских лесов.

Только сам главарь Антонов со своим братом (бывшим аптекарским учеником и автором безграмотных воззваний к партизанским «орлам», за подписью «Молодой Лев», еще в 19 году заявлявшим, что «если грабить, так уж грабануть сразу, как следует»), продолжал бродить. Прорвавшись из кольца с остатком своих полков, он бросился было в саратовские степи. Но в августе 1921 года общей участи не избежал и главарь. Прижатый в одном из сел красными броневиками и кавалерией раненный в голову, бросив всех и все, он бежал, оставив расхлебываться за все содеянное обманутых им землеробов.

В общем,—август месяц 1921 года можно считать месяцем окончательно разгрома тамбовской Антоновщины. В мае месяце 1921 года приезжавший в Тамбов для ликвидации восстания командарм тов. Тухачевский на общем собрании Тамбовской Городской организации РКП (б) говорил, что ликвидация бандитских войсковых об'единений,—вопрос одного-двух месяцев, время займет главным образом организационная перестройка войск и что, вслед за ликвидацией крупных сил противника,—главной задачей дня он считает укрепление власти в местах, очищенных от бандитов и создание боеспособ-

ной милиции для изловления остатков бандитского элемента. Тов. Тухачевский в своих расчетах не ошибся.

Отрыжка Антоновщины, подвиги отдельных его молодцев, однако, продолжались еще осень и зиму 21 года. То там, то сям концентрировались мелкие шайки уцелевших бандитов и занимались чистейшим уголовным разбоем. Все они были ликвидированы Губчекой. Красная Армия, совместно с Чека, сделала свое дело и последнее слово осталось только за Чека.

Одна за другой,—чисто чекистскими методами и силами, были ликвидированы банды командира бандитского 14 Нару - Тамбовского полка Матюхина, Кузнецова, Птичьего, члена Губкома СТК—Шамова, (который был арестован уже в Воронеже), Уткина и ряда других. Каждая наша операция против той или иной банды, это—целый том незаметных подвигов, неведанной по отваге работы, требующей чрезвычайно много смелости и выдержки от участников.

Сам Антонов с братом все-же скрылся,—канул словно камень на дно. Многие даже думали, что он совсем ушел из Тамбовской губернии.

Времена переменились: то, что можно было безнаказанно проделывать в 1919—20 году уже нельзя было сделать в 22 г. Старые методы отсиживания и выжидания благоприятной политической конъюнктуры для своих бандитских подвигов,—устарели. У работников Чека опыт по борьбе с бандитскими главарями, порожденными временной слабостью Советской власти в глухих углах Р. С. Ф. С. Р. в период острой гражданской войны на внешних фронтах, был уже солидный. У всех было на памяти, что выступая в 19 году со своими башибузуками и получая должный отпор, Антонов на полгода и более исчезал с горизонта, отсиживаясь и готовя свои силы. Поэтому Губчека, а потом—Политотдел, расправившись с отрыжкой антоновщины, стал нащупывать и самого Антонова,—человека,—надо отметить с громадной бандитской наглостью и смелостью.

Первые сведения о нем были получены осенью 1921 г., когда он со своим братом перешел на отдых в «родные» места Кирсановск. уезда. Неудачный подход к делу и недостаточная ориентировка привели первоначальную работу по его поимке к тому, что Антонов окончательно «смылся» с глаз Чека и стал еще осторожнее. Старый прожженный авантюрист, находившийся большую часть своей жизни в подполье, был слишком хитер, чтобы к нему «подъехать на козе». Проанализировав и продумав еще раз прошлое Антонова, проявленные им замашки и привычки, Чека пришла к заключению, что Антонов—здесь, в Тамбовской губернии и не дальше, как в районе сел Перевоз и Чернавки, Кирсановского уезда и Уварова Борисоглебского

уезда. Всю зиму осторожно нащупывали этот район и в марте—апреле получили определенные сведения, что Антонов «отсиживается» в районе села Уварова, не собирается никуда уходить и ожидает попутного ветра,—по его словам—«ветра достаточного для того, чтобы поднести мне спичку и кругом опять все загорелось». Нужна была громадная спокойная выдержка—для того, чтобы 24 июня 1922 года, когда Антонов со своим братом Дмитрием, окруженный врасплох в с. Н.-Шибряй, получил давно заслуженное возмездие.

В мае м-це т. г. пишущий эти строки сидел на одной из улиц Тамбова с уполномоченным Политотдела т. Сорокиным (чл. Р. К. П. с 1918 г.), начальником Секретного Отделения тов. Инноватовым (чл. Р. К. П. с 1918 г.). Обсуждали добрую весть о том, что Антонов окончательно нащупан. Через некоторое время к нам присоединился, уже поставленный нами в известность, начальник Политического Отдела т. *Мосолов*, боровшийся в свое время с бандами Кулацкого СТК в Сибири.

—«Главное выдержка, товарищи»,—говорил т. Мосолов—«и--соль»... Когда мы спросили, при чем здесь «соль», т. Мосолов, усмехаясь, отвечал:—«Кой кому на хвост насыпать!..

15 июня план ликвидации Антонова был готов. Антонова, по этому плану необходимо было взять живым, а «молодого льва»—как придется. Телеграфно и с нарочными немедленно были вызваны из деревень бывшие антоновцы, перешедшие на сторону Советской власти и чистосердечно раскаявшиеся в своих поступках. Большинство из них—крестьянская молодежь, втянутая обманным образом—эсеровской агитацией в преступную партизанскую войну. Интересной фигурой среди них являлся крестьянин села Калугина, Кирсановского уезда Сафиров Яков Васильевич. После октябрьской революции он был член Волостного Исполкома, заведующ. земельн. отделом, старший унтер-офицер царской армии. Волной восстания был захвачен в ряды врагов Советской власти и являлся ее активным врагом, ослепленным человеконенавистнической, погромной агитацией. У Антонова он был командиром его особого полка,—человеком, следовательно, весьма приближенным к «самому». После разгрома банд он перешел на сторону Советвласти и искуплял свою вину, добивая остатки Антоновщины. При уничтожении банды Уткина в Лебедянском уезде он особенно проявил свою храбрость: за вооруженным с ног до головы Уткиным он гнался пешком чуть-ли не пять верст, зимой, имея при себе австрийскую винтовку с тремя патронами к русской винтовке. Не обращая внимания на огонь Уткина, Сафиров подошел к нему на ружейный выстрел и одним выстрелом убил его, попав в лоб.

В преданности Советской власти всех бывших бандитов мы не сомневались.

— «Покажите нам его»—говорили они—«и мы голыми руками его задушим».

Все они верхами были посланы в район, где скрывался Антонов, с тов. Покалюхиным—(чл. Р. К. П. с1918 г.).—Тамбовским крестьянином, хорошо знавшим Тамбовскую деревню. Им была дана задача—осветить (в оперативном смысле) село Н.-Шибряй и те дома, в которых по нашим данным скрывался Антонов с братом.

22 июня пишущий эти строки выехал на автомобиле с оперативным комиссаром т. Беньковским—(чл. Польбюро Р. К. П. с 1918 г.). Выехали мы конспиративно. Между Тамбовым и Балашовом поезда не ходили вследствие ремонта ветки и мы ехали под видом «господ из треста» по направлению на Балашов. Село Уварово, от центра которого до Н.-Шибряй версты $1^1/_2$, расположено близ Балашовской ж.-д. ветки. Громадное село,—чуть не семь верст в длину! В'ехав в село, мы остановились перед первым-же попавшимся на глаза кулацким домом и заявили, что едем в Балашов, но у нас сломалась машина и ее придется чинить. Кроме того,—не хватило бензина, а сзади идет грузовик с бензином.

Мне нужно было как можно скорее видеть т. Покалюхина, но его не было. Отвязав велосипед, я поехал в центр села. Оттуда Н.-Шибряй, как на ладони. Внизу течет река Ворона, а кругом—леса, овраги, заросль.

— Так вот она вотчина Антонова! Действительно, места такие, что можно полку целому спрятаться и не скоро найдешь...

Осмотрев место и сделав еще кое-что, я вернулся обратно. Радушная хозяйка, как и все окружающие, вполне поверила, что мы безобидные проезжие нэпачи. Без умолку она рассказывала, как живет одна, как ее муж бросил, предварительно попытавшись утопить в колодце и т. д., все это в самой живописной форме. Тургенев на основании ее рассказов пожалуй написал-бы не одну книгу в роде «Живых мощей». А сколько здесь в селе, благодаря недороду и Антонову, было подлинных «живых мощей». Голод,—такой голод, что ели траву, ели хлеб от одного вида которого и бывалого человека стошнит!...

Меня смущало то обстоятельство, что тов. Покалюхин не смог себя замаскировать. В селе уже знали, что он—из Чека.

– «Ну» думаю—«узнает Антонов—уйдет»!

«Сообщили, что Покалюхин приехал и находится в районе милиции. Вызываю его осторожно. Докладывает, как обстоит дело: двое наших живут в лесу на «бандитских началах»... Днем—были в Шибряе, назвавшись плотниками из го-

лодных мест, ищущими работы, они великолепно осветили деревню и дома, где скрывается Антонов.

Ночью пошел с Покалюхиным в лес, чтобы поговорить со своими «бандитами». Шли долго, через реку, лесом. Легкий свист. Ответ из лесу. Выходит один, другой. Ложимся под кустами. Разговариваем шопотом. Над рекой—туман. Редкие рыбаки перекликаются. Ребята все еще сомневаются, что Антонов здесь. Успокаиваю их.

— «Здесь, ребята! Вот может быть в двух стах шагах»!

24 июня получаю сведения, что Антонов с братом был почью в доме Наталии Катасоновой в Шибряе и остался на день ждать следующей ночи, чтобы уйти в лес на кардон. Болеет малярией, которая одолевает своими приступами. Брат за ним ухаживает.

Затятивать дело было невозможно. Ждать случая--взять Антонова живым было сопряжено с риском вовсе сорвать операцию: через день два донесут ему его люди, что приехал какой-то из Чека и что этот из Чека ходит к какому-то приехавшему на автомобиле. Тогда—поминай как звали Антонова,—удерет, да и моих ребят перестреляет врасплох, как цыплят.

Сведения об Антоновых имелись точные: вооружены двумя маузерами-десятизарядными автоматическими, по два полных подсумка патрон к ним, два браунинга и один наган.

Имея из Тамбова соответствующие инструкции, решил «крыть». Тов. Покалюхин на автомобиле в 2 часа дня собирает ребят. К 4½ часам все у меня на квартире вборе. Покалюхин, Беньковский и часть ребят переодеваются как можно хуже, дабы походить на рабочих. 3 карабина—в мешки, будто-бы пилы. Револьверы под рубашки. Еще раз осматриваемся. Все взвешиваем. Антонову все пути закрыты. Куда ни пойдет,—везде ждет пуля.

— Ну, трогайтесь!

Лица сумрачные. Предупреждаю,—в дом не входить,—застать врасплох и застрелить. Избегать жертв с нашей стороны. Пошли....

Подошли к дому незаметно. Антонов их увидал, когда дом был уже окружен. Первый не стрелял,—вероятно не думая, что это за ним, ибо окружение явилось для него громом средь ясного дня.

В доме щелкают маузеры,—заряжают, вероятно. Попытка выбежать в дверь отражается выстрелами.

Кричит из дома:

— «Яшка, Васька, что вы делаете! Кого вы бьете»!

— «Довольно, Александр Степаныч! Поиграл и будет»!

Антоновы дрались отчаянно. Из маузеров пули сыпали как горох.

Пришлось зажечь дом, чтобы «выкурить». Начали кашлять и наконец выскочили. Без сапог и шапки, стреляя залпами по очереди и все время визжа и друг друга подбадривая, бросились бежать.

Вот первый лезет через забор. Катасонова видела, как он покривил голову на бок,—пуля пробила подбородок, раненый, с залитой кровью щекой, вышел с братом на соседний двор мельника. Кричит на жену мельника:

— «Где они, покажи их нам! Где они?

Ругается самой отборной бранью.

На огороде бывший партизан Антоновской армии двумя выстрелами подряд убил сначала Антонова, а потом--его брата.

Многие в деревне не знали—в чем дело. Дом горит. Стрельба. Ударили в набат. Как только узнали, что убит Антонов,—многие крестились от радости. С песнями возвратились в село Уварово красные бойцы.

Великолепно шел автомобиль, увозя трупы Антоновых в Тамбов,—120 верст проселочной дороги,—три часа полной нагрузкой.

В последний раз везли мы злого духа тамбовского крестьянства по его «вотчине» и проклятьями провожали его труп из села в село, улыбались и махали нам вслед шапками—счастливые и довольные, «его породившие и убившие его»,—бывшие его соратники--трудовые крестьяне Тамбовской губернии...

Сер. Полин.

Козловский мятеж 16 июня 1918 г.

Прошло полгода диктатуры пролетариата в Козлове. Советская власть, казалось, вполне укрепилась; по-революционному работали отделы «Комиссариаты» Уисполкома; партия твердо держала в своих руках руль правления; население освоилось с новою властью и беспрекословно исполняло все его постановления. Казалось,—все шло—«как надо»— тихо и покойно, но, на самом деле, незаметно вели свою глухую, подпольную агитацию эсеры.

В это время организовывалась красная армия. В нее добровольно вступало много истинных борцов и защитников пролетарской революции, которые свою преданность Советской власти запечатлели потом своею кровью в битвах на восточных и южных фронтах с армиями контр-революции, но вступало также и немало преступного элемента, немало—просто неприспособившихся к жизни «искателей приключений». Эти элементы вносили дезорганизацию в ряды нашей молодой, еще не окрепшей армии.

Материальное положение частей Козловского гарнизона в то время было очень тяжелым: приходилось помещаться в полуразрушенных зданиях; красноармейцы часто бывали разуты, раздеты, полуголодны.

Эсеры пользовались таким положением, и среди отрицательных элементов, проникших в Кр. Армию, развивали усиленную агитацию против Советской власти и коммунистов. Делали они это очень скрытно, потому что в открытых выступлениях они всегда терпели урон: масса шла не за ними, а за коммунистами. Малосознательные красноармейцы под влиянием эсеровской агитации часто предъявляли Уисполкому невыполнимые в этот момент требования. Уисполком посылал своих представителей для переговоров, путем которых почти всегда удавалось уладить недоразумение. Особенно удачно и мирно ликвидировал такие «инциденты» председатель Уисполкома т. Лавров, который пользовался громадной популярностью как среди всего населения, так и среди Красноармейцев.

Для охраны порядка и Совета из частей Козловского гарнизона было выделено ядро, особая «железная рота», содер-

жавшаяся в лучших условиях, чем остальные части, на что, между прочим, пеняли иногда остальные красноармейцы.

Перед 5 с'ездом Советов усилилась подкопная работа эсеров,—усилилось и брожение среди военных частей. В средине июня месяца с севера на юг направлялся отряд матросов, который действовал анархически,—по дороге реквизировал самочинно имущество, разбивал станции и т. п. В Козлове была получена телеграмма со станции «Богоявленск» с предложением готовиться к встрече и отпору этому отряду. Члены президиума Уисполкома т.т. Лавров, Кунахович—(военком) и Тузлуков отправились с полученной телеграммой в казармы. Когда красноармейцы узнали о том, что по направлению к Козлову едут матросы, они взволновались. Средь них был пущен чудовищно-провокаторский слух о том, что матросы нарочно вызваны, чтобы наказать их за все прошлые неклады с Уисполкомом. Под влиянием этого демагогически-провокаторского слуха, очевидно происходившего из того же эсеровского источника, они арестовали Лаврова и Кунаховича (Тузлукову удалось уйти), и порешили поднять восстание в гарнизоне. Знаком к началу восстания условились считать двухкратный выстрел из пушки.

Это было 16 июня. День был праздничный, кажется, воскресный. По рассказам, т.т., среди частей гарнизона шныряли эсеровские агитаторы, причем многие из красноармейцев были одеты еще в свою одежду и было трудно проверить,—кто в массе красноармейцев являлся посторонним.

Весть об аресте исполкомовцев моментально распространилась среди членов партии. Собрались в помещении Уисполкома, где находился и Комитет партии. Решили открыть экстренное партийное собрание, но не в помещении Уисполкома, т. к. рядом находилась одна из казарм, в партклубе в городском саду. Часов около 8—9 вечера собрание открылось. Обсуждали вопрос,—как выйти из создавшегося положения. Выяснилось, что без помощи из других мест обойтись нельзя. Даны были задания снестись с Москвой, Тамбовом.

Вдруг пришел один из товарищей и взволнованно сообщил, что городской сад окружен отрядом восставших, что все выходы заняты.

Собрание было закрыто. Решили в одиночку или попарно и как-нибудь вырваться из оцепления,—как кто сумеет.

Помню, как мы с т. Бударинным—рабочим из Козловских ж.-д. мастерских, решились выбираться вместе. У меня была печатная афиша с программой вечера в городском саду.

— «Ну, т. Бударин, мы с тобой пойдем к главному выходу и когда будем подходить,—я буду громко читать афишу,

а ты громко хохочи, может быть, пройдем за обывателей», предложил я.

— Ладно: двум смертям не бывать!..

Так и сделали. У входа в сад с винтовками наперевес стояли пар десять красноармейцев, а за садом—несколько конных с шашками на-гало. Публика шарахнулась в глубину сада, и видно было, как по дорожке в сад прошло несколько вооруженных красноармейцев. Состояние духа было самое напряженное! Но нам все-таки удалось разыграть веселых обывателей—великолепно. Когда мы подошли к выходу и попросили позволения пройти, кто-то из этой стражи распорядился — «пропустить». Вышли, продолжая громко читать афишу. Не торопясь мы зашли за собор и спрятались за угол. В это время из сада послышался крик:

— «Уходят»!

Мимо нас, по направлению к Совету по Московской улице с гиканьем пронеслось несколько всадников. Публика из сада шарахнулась к выходам. Большей части товарищей—коммунистов в это время уже удалось уйти, но некоторые были узнаны, арестованы и отправлены в казармы, причем дело не обошлось без побоев.

Со стороны «Красных казарм» раздался двукратный выстрел—знак к началу восстания. Защелкали выстрелы из винтовок. Население быстро попряталось по домам. В городе началась анархия. Был занят Совет, при чем, как впоследствии оказалось, много дел было порвано, много вещей расхищено. Мятежники, особенно поусердствовали в комнатах Чека, где все было перевернуто вверх дном. Отдельные группы мятежников врывались в частные квартиры, производили насилие. Ходили по квартирам коммунистов. В наших рядах (фамилию его позабыл) оказался один провокатор *),—он имел адреса некоторых т.т. и указывал их квартиры. После ликвидации восстания он скрылся, некоторое время скитался по уезду, но месяца через два был пойман и расстрелян.

*) Губистпарт просит т.т., в памяти которых сохранилась фамилия этого провокатора сообщить её и другие данные о нем в Губистпарт.

Большей части коммунистов удалось во время восстания скрыться из города, (скрывались большей частью в лесочке на берегу реки Воронежа,—под «кручей»).

Выйдя из ограды, мы с т. Будариным хотели отправиться в Совет, но по Московской улице не могли пройти, так как на ней были конные раз'езды. Наша попытка пройти со стороны Троицкой улицы также окончилась неудачей,—нас воротили, грубым окриком и угрозой—«поколотить».

Настала ночь. У входа в Совет стояли часовые. Мы повернули и хотели пройти на вокзал, но и тут нас постигла не

удача, не пропустили. Пошли в почтово-телеграфную контору. Когда мы высказали намерение послать телеграмму в Москву или в Тамбов с извещением о происшедшем в Козлове, нам ответили:

— «Уносите свои ноги, пока целы, а то мы вам зададим такую телеграмму!»...

Всю ночь мы пробродили по городу и только на рассвете разошлись по квартирам. Я спал недолго. Мимо квартиры проходили шумные толпы, направляющиеся к центру на площадь. Слышались отрывки разговоров о событиях. Очень хотелось итти в эту толпу, послушать разговоры, раз'яснить преступность выступления, но дома удерживали, говорили, что—растерзают—в толпе уже раздавались огромные призывы и возгласы:

— «Конец большевикам!»

Часов в 12 я все-таки пошел на площадь. Толпа мирно расходится, читая только что расклеенное об'явление. Смотрю.—об'явление «от имени Советской власти». Призывают граждан к порядку и спокойствию. Подпись т. Лаврова. Спешу в Совет узнать о событиях. Уисполком—в полном составе, назначено собрание. Узнаю, о ходе событий: к 12 часам был назначен восставшими митинг на площади, но к этому времени уже Советская власть давала свои распоряжения.

Матросы, ожидание которых дало толчек к мятежу, действительно направлялись на Козлов, но их со станции Кочетовки направили в противоположную сторону. Вслед за ними гналсянебольшой отряд латышей. Когда начальник отряда узнал о событиях в Козлове, он явился в Козлов в казармы с 25-ю приблизительно товарищами и потребовал немедленного освобождения представителей законной рабоче-крестьянской власти, пригрозив, что, если они не будут освобождены—приедет, находящийся уже в пути на Козлов отряд латышей в 900 человек с орудиями и пулеметами и по одному слову все будет уничтожено.

Струсили мятежники, бросились на железную дорогу, где в это время в мастерских происходил громадный митинг. Обратились к рабочим с просьбой, о поддержке, но рабочие твердо заявили:

— «Мы такую сволочь никогда не будем поддерживать!»

После этого все арестованные были освобождены и приступили к работе.

Жуткую ночь провели они в грязной комнате среди расходившихся негодяев,—всякий момент их могли растерзать.

Заседание освобожденного Уисполкома происходило совместно с делегатами, выбранными от красноармейцев и в присутствии освободителя—начальника латышского отряда. Вос-

ставшие признали свою вину и, чтобы искупить ее, перешли тут же отправиться на восстановление Советской власти в Тамбове, где произошли почти такого-же характера события.

Следствие по делу о козловском мятеже открыло эсеровский заговор. Была перехвачена эсеровская переписка, устанавливающая связь козловских эсеров с эсерами Москвы и Тамбева. Оказалось, что эсерами заранее было намечено начать восстание в Козлове, а затем в Тамбове. Были уличены некоторые особо деятельные участники мятежа. Это была главным образом, незрелая учащаяся молодежь: гимназисты, студенты из буржуазных семей—«маменькины сынки». Некоторые из них тут же получили заслуженное возмездие, некоторые, разбежавшиеся по уезду, были переловлены и получили награду по заслугам только впоследствии.

Так—их недолгий «пир окончился бедою», отучивший других охотников до авантюр попадаться на эсеровскую удочку...

И. Глушков.

Начало социал-демократической работы в г. Усмани.

(Воспоминания).

1. „Банкеты" 1904 года.

В студенческие годы, приезжая из Харькова на рождественские каникулы к своему отцу в г. Усмань, я привозил с собой студенческий революционный энтузиазм университетского города, беззаветную веру в светлое будущее, а кстати захватывал и нелегальную литературу. К тому времени я уже «самоопределился» как марксист и социал-демократ. Нелегальная литература, между которой преобладала социал-демократическая, распространялась мной среди сельских учителей и учащихся. Круг моих знакомых в г. Усмани в то время был довольно ограничен и однообразен. Но в семье отца были мои две сестры, брат и подрастающая племянница. Они, конечно, были первыми об'ектами моей агитации и пропаганды, они же связывали меня с учащимися.

В 1904 году, во время Японской войны, я был призван в армию в качестве прапорщика, но на рождественские каникулы мне все-таки удалось попасть в Усмань. Сестры курсистки познакомили меня с петербургскими и московскими студентами: *Сафоновым С. В., Тертуговым, Степановым, Вагнером, Катраховым, Богилжбовым.* Это была развеселая компания; одни из них артистически запевали революционные песни и куплеты, другие были музыканты и танцоры, третьи—и то и другое вместе, а один, как про него выражались, страдал «неудержанием речи» на революционные темы.

В это время уже «веяло весной», даже обыватели говорили о краже Сергеем Александровичем Романовым, тогдашним генерал-губернатором Москвы, теплых одеял, пожертвованных Морозовым для раненых в Японской войне. У студентов знакомых было «весь город» и им удалось в двух богатых купеческих домах устроить «банкеты», которые тогда были модной формой времяпровождения и «начальство» смотрело на них

сквозь пальцы. На одном из этих банкетов молодым землемером И. И. Поповым впервые в г. Усмани публично было заявлено о наличии в г. Усмани с.-д. организации, изложена была ее программа и обоснование последней. Среди богатой обстановки, белоснежных скатертей и пальм, дорогих праздничных туалетов купеческих дам и девиц, в тонко-пропитанной духами атмосфере—длинно и скучно прозвучала речь Попова, но тем не менее была выслушана терпеливо и без всяких возражений даже со стороны бывшего станового пристава, присутствовавшего на этом «банкете».

2. Обывательская молодежь и учащиеся.

В марте 1906 года, после подавления Московского восстания и разгромов Петроградских Советов Рабочих Депутатов, я очутился снова в Усмани. Никого из студентов в Усмани на этот раз не было. Сельские учителя тоже сидели по селам уезда, но шумные святки 1904 года дали мне обширное знакомство с обывательской молодежью. Встретили меня приветливо и радушно. Сознаюсь, для меня было большой неожиданностью встретить среди молодежи людей, искренно интересующихся событиями, происходившими в больших городах.

Усманская тюрьма оказалась наполненной «политическими» присланными из других городов и усманцами: в ней сидели два брата Зотиковых—учителя усманского уезда и крестьяне с. Ольховки, разгромившие под предводительством местного псаломщика-семинариста земского начальника.

Молодежь собирала для сидящих в тюрьме деньги, ходила на свидания с ними, передавала в тюрьму обеды, белье, получала записочки и т. п. Бегали, суетились, читали легализованную литературу и толстые журналы. В работе по обслуживанию тюрьмы принимали участие и учащиеся местной гимназии.

Встречаясь с молодежью, я использовал время на ознакомление ее с программой с.-д. партии и ее отличиями от партии с.-р. Делать это было не трудно, так как переживаемый момент предоставлял поводов для этого очень много.

Влияние социалистов-революционеров в Усмани было очень сильно. В тюрьме сидели почти исключительно с.-р. Среди гимназисток существовал кружок, который перечитывал Михайловского, Чернова, Рудина. Меня до этого кружка не допустили очевидно, боясь «вредного» влияния на него. Кружок этот группировался вокруг Т. Г. Поповой.—впоследствии Протопоповой. Мне лишь один раз удалось весной собрать небольшую группу гимназисток в д. Дальняя Песковатка в саду доктора Н. Н. Исполатова и поговорить о различии двух партий в их историческом развитии. Если не ошибаюсь, кружком с.-р.

руководил студент Будаков, который бывал в Усмани наездами почти все лето 1906 года.

На мои призывы к молодежи—начать агитационную и пропагандистскую работу среди крестьян, ремесленников и приказчиков отнеслись очень отрицательно: одни не представляли себе этой работы, другие трусили, указывая, что в Усмани нельзя вести нелегальной работы, так как все здесь навиду и можно скоро «провалиться». Отовсюду меня вспрыскивали холодной водой. Вариться же в собственных соках мне было скучно и я начал искать пути к массам самостоятельно.

3. Митя Леонов и почтальон Смольяninов.

В конце апреля я познакомился со сторожем усманской публичной библиотеки и переплетчиком Митей Леоновым. Он был крестьянином пригородной д. Стрелецкие Хутора, где имел семью, избу и земельный надел. Ходил Митя в городском костюме и носил длинные волосы. Начальство и существующий порядок ругал, сильно интересовался религиозно-нравственными вопросами и имел склонность к толстовству. Он постоянно вступал в споры с попами, уличал их в лицемерии, корыстолюбии, религиозном невежестве и поэтому слыл опасным человеком, подвергался «административным воздействиям» и был выслан из пределов Тамбовской губернии. В Усмань вернулся после амнистии 1905 года. К партийности Митя относился отрицательно, значение нелегальной литературы не признавал. С Митей я проводил много времени, стараясь направить его на истинный путь марксизма, но все мои усилия были тщетны. Митя воспринимал меня, как собеседника, и только. Один раз я был с Митей в Стрелецких Хуторах, надеясь чрез него завести знакомство с крестьянами, но этого мне не удалось, может быть, потому, что в это время начались полевые работы.

Чрез Митю я познакомился с усманским почтальоном Смольяниновым—односельчанином Мити. Он оказался человеком очень смелым, но не начитанным, в противоположность Мите и нелюбившим читать, но за то любил поговорить. Со своей кожаной сумкой он обходил весь город и со всеми заводил разговоры. Чрез Смольянинова я знал—где и как настроены: где—доброжелательно к переживаемым событиям, где враждебно. Чрез него я узнал, что купец Скляднев состоит в союзе русского народа (тоже союз архангела Михаила), ведет переписку с профессором киевского университета Никольским—уроженцем Усмани, и получает от него черносотенную литературу с обвинениями евреев. Были почтовые секреты и другого сорта. Почтмейстер частенько сам разбирал вновь полученную почту, отбирал профессиональные и рабочие газеты и

журнальчики и сжигал их. Скоро Смольянинов научился такого рода газеты узнавать и, прежде чем успевал добраться до них почтмейстер доставлял по адресам. Чрез Смольянинова я скоро узнал настроение мелких лавочников, приказчиков и чрез него передавал им нужную литературу по интересующим вопросам.

Нужда в литературе была очень сильная. Читали и в одиночку и группами. В одном месте на базаре в лавочке у булочника, посещавшего впоследствии кружковые занятия, происходили чтения и беседы, причем постовой городовой, получавший мзду от булочника, охранял подход к лавочке, предупреждая знаками о появлении нежелательных лиц—квартального надзирателя или осведомителей, которые в общем были хорошо известны. Жандарма в это время уже не было в Усмани. В нужный момент книжка проваливалась «сквозь землю» и чтение превращалось в дружескую беседу за чайком или шашками—обычными занятиями лавочников в свободное время.

Почтальон Смольянинов в 1917 году и начале 1918 года очутился в другом лагере. Сначала радости революции он запивал ханжой, потом очутился в группе Сорокина, некоторое время даже был изолирован, но потом «образумился», понял значение октябрьской революции и в 1919 г. был председателем Сельского Совета Стрелецких Хуторов.

4. Сашуха Барабанов.

Так звали его приятели, вкладывая в это имя свою близость к нему, доверчивость, искренность, простоту и знакомство с малых лет.

Это—слесарь, жестянник, медник, механик—все что угодно—мастер на все руки. Когда я познакомился с Александром Павловичем, он уже покончил с мыслью о возможности изобретения «перпетуум мобиле» (постоянный двигатель), понял, что такой машины быть не может. О своих изобретениях он рассказывал с увлечением и свойственным ему юмором. А. П., что называется, самородок: с природным умом, литературным талантом, чуткий и отзывчивый. Безусловно, в Усмани это самая крупная фигура в революционной среде того времени. Общественными отношениями А. П. интересовался с таким же увлечением, как в свое время постоянным двигателем. Из-за желания узнать, как живут люди, он ездил в Сибирь. Он любил читать и много читал, стремился к знанию. Он имеет основание быть кровно обиженным тем, что проклятый капитализм не дал ему возможности сделаться образованным человеком.

Куда А. П. ни появлялся, он всюду овладевал настроением и вносил своим юмором оживление. Маленького роста, юркий,

он всюду проникал,—даже среди полиции имел «своих людей». На табачных огородах, где работали его жена, он научил работниц петь вместо частушек революционные песни. А. П. распространял литературу, агитировал, подбирал людей для кружков, собирал деньги.—одним словом и здесь он оказался на все руки. Чрез него были установлены самые обширные связи с ремесленниками. Он выполнял самые рискованные поручения.

С 17 года он сделался большевиком, был лучшим фельетонистом «Усманской Газеты», собирал по поручению Уисполкома контрибуцию с купцов и ныне здравствует и состоит в партии, выростив и сына комсомольца-коммуниста.

5. Массовки и прокламации.

Незаметно назрела потребность личного общения и руководства читателями литературы и в конце июня эту потребность явилась возможность удовлетворять в широком размере. Из Воронежа приехали реалисты Н. Бриттейн и К. Андреев. еще раньше по их явке приехал часовщик Маневич, скрывшийся в Усмань от преследования воронежской охранки. В это же время приехали из ПетроградаЕ. А. Гуляева и М. Андреева. Позже приехали студенты С. В. Сафонов и Терцунов. Из Саратова—Н. Андреева. Съехавшиеся привезли с собой много вновь вышедшей литературы. Не помню, по чьей инициативе решено было организовать оффициальную Усманскую с.-д. группу и связаться с Воронежским комитетом. В группу входили и большевики и меньшевики. Из коренных усманцев в группу вошли К. Пешкова и Е. Крюкова.

Была попытка использовать публичную библиотеку, находившуюся в кадетских руках, организацией в ней особого отдела, куда должна была войти брошюрная литература, но это было отвергнуто руководителями библиотеки из-за боязни закрытия публичной библиотеки. Группа использовала зато факт отказа от совместной работы кадетов, иллюстрируя этим характер буржуазной партии пред массами. Скоро, однако, это за другими событиями было забыто. тем более что в скорости пришлось организовать библиотеки при кружках.

Первая массовка была организована Сафоновым в кустах за хомутовским мостком. Она была несколько неудачно обставлена с внешней стороны; так как происходила на кочковатом болоте, но очень удалась по настроению и закончилась уверенностью присутствующих в необходимости иметь собственные, профессиональные и политические организации, так как наемным людям приходится для обсуждения нужд собираться на болоте. тайком. чтобы не подвергнуться карам со

стороны как полиции так и хозяев. Для Усмани первая массовка была целым событием. Присутствовали на ней, главным образом, приказчики-краснорядцы.

В связи с погромом в Белостоке появились и в Усмани слухи о готовящемся погроме, который черная сотня собиралась будто-бы устроить в базарный день, натравив с'ехавшихся крестьян на евреев. Сами по себе эти слухи едва ли имели под собой реальную почву, особенно в виду неудавшегося погрома в Усмани в 1905 году осенью, тем не менее в группе решено было этот слух использовать для выпуска в подбазарный день прокламации к крестьянам.

Изготовлено было несколько гектографов, с'ездили в Воронеж за гектографическими чернилами, от руки, печатными буквами были написаны оригиналы. Печатание происходило в одном из купеческих подвалов, куда во время послеобеденного спанья проникло несколько лиц и часа за $1^1/_2$ было изготовлено несколько сот прокламаций.

Крестьяне с'езжаются на базар или вечером накануне или рано утром в день базара. Поэтому решено было использовать две больших дороги и вечером, в начале сумерек разбросать по ним часть прокламаций, а другую часть разбросать на базаре, когда с'ехавшиеся базарники уже уляжутся спать. Для совершения этого преступления было организовано несколько групп. Две из них на купеческих рысаках под видом катания должны были выехать засветло по большим дорогам далеко за горку и в сумерках произвести разбрасывание прокламаций. Разброска прокламаций была произведена очень ловко и на другой день можно было даже наблюдать, как прокламации читались по закоулкам на базаре. Полиция проспала—и никто из организации и читающих не пострадал.

Позже массовки, кружковые занятия, прокламации сделались обычной формой работы усманской с.-д. группы. Кружки собирались по окрестностям города: в Софийской роще, в кустах за водокачкой, на валу за хомутовским мостом, по реке Матренке и т. п.. Собрания носили или пропагандистский характер или организационный.

Прокламации печатались или по лозунгам даваемым из Воронежа, или перепечатывались готовые, получаемые в единичных экземплярах. Во время уборки хлебов обычным способом распространения прокламаций была разноска их по полям и распределение по копнам убранного хлеба.

Средства группа добывала обложением членов, разыгрыванием различных предметов женского рукоделия, продажей открыток, а один раз был устроен спектакль с участием любителей. Распорядительницей его была С. А. Огаркова—человек непричастный к группе. Сбор должен был поступить в пользу

детского дома, попечительницей которого состояла Огаркова, но попал в кассу с.-д. партии. Сделано это было просто. На спектакль были приглашены из Воронежа несколько молодых людей, сочувствовавших партии в качестве артистов для устройства дивертисмента после спектакля. Приезд их стоил не много, а содержание и совсем ничего, так как артисты были размещены по купеческим домам. Они выдали расписки в получении гонорара за выступления и расписки эти пошли с отчетом к исправнику в качестве документов оправдывающих расходы по устройству спектакля. Одним из артистов был «Колька Беззубцев»—хорошо известный воронежским реалистам. Весельчак и ухажер.

Усманская полиция, конечно, знала о происходившей работе, но с одной стороны живущая в обывательской среде находилась, вероятно, «под гнетом времени», а с другой стороны не имела аппарата, чтобы заняться нами серьезно. Тем более, что группа состояла из людей опытных в нелегальной работе и при более трудной обстановке и вела себя достаточно конспиративно. Что же касается нашей периферии, то она с восторгом издевалась над полицией, при чем главным застрельщиком в этом деле был А. П. Барабанов. Распускался, например, слух по городу, что в такой то день и в таком то месте собирается массовка. Туда направлялся наряд полиции, а массовка собиралась в другом месте, а то и совсем не собиралась в это время.

Свидания членов группы происходили или в городском саду, где каждый день были публичные гулянья и где легко было шепнуть на ходу нужное слово, или у многочисленных знакомых, где собиралась молодежь попеть и поболтать.

Иногда у нас в группе происходила тревога. Откуда-то появлялся слух, что кто-то кого-то предупредил, что «из Тамбова в Усмань едут жандармы произвести в Усмани чистку». Поднималась беготня, предупреждения. Больше всего принимал участие в этой беготне портной Иван Тимофеевич—всегда подозрительный и более других осторожный. Он становил на ноги всю группу. Все бегали и предупреждали друг друга. Происходили эти тревоги обычно поздно вечером или даже ночью. Вперед всего Иван Тимофеевич бежал в городской сад,—там всегда кто-нибудь бывал. Оттуда люди бежали по разным концам города. Или же ночью Иван Тимофеевич прибегал в многочисленную семью Андреевых. Шепотом, в темноте он рассказывал какую-нибудь небылицу и настраивал таким образом, что лучше было пренебречь невероятностью его рассказов, но все же бежать, будить и предупреждать. Ни разу эти паники не имели под собой реальной почвы, но тем не менее публика что-называется подтягивалась. За все лето нас однако никто не побеспокоил,—кроме Ивана Тимофеевича.

6. „Еще одно последнее сказанье".

Незаметно приблизилась осень. Работающая в Усмани публика начала еще в июле раз'езжаться. Уехал Маневич, Бирштейн, Гуляева. С осени предполагалось открытие высших учебных заведений: студенты и курсистки начали собираться в путь и работа в Усмани замирает. На некоторое время она оживляется приходом в Усмань роты солдат 55 Борисоглебск. полка. Все лето в Усмани стояла сотня казаков. Завязать с ней связь нам никак не удавалось. Но вот в августе в городе появились солдаты. Вели они себя по тогдашнему времени не обычно, слишком свободно и независимо. Когда полиция не хотела пускать их в городской сад, куда не полагалось заглядывать «нижним чинам», то солдаты врывались туда сами и совершенно свободно гуляли по нескольку человек или сидели на лавочках. На базаре вокруг солдат собирались кучками крестьяне и о чем-то беседовали.

Знакомство с солдатами завели уже на другой день после их прихода и очень легко. Два члена нашей группы подошли к солдатам, расположившимся на травке. Завязался разговор.

— Откуда пришли?... Зачем?... Усмирять крестьян?...

— В своих братьев мы стрелять не будем... мы сами понимаем...

В этот же вечер представители солдат пришли в условленное место за город и там выяснилось, что Борисоглебский полк был расформирован по частям за убийство ротного командира. Солдаты просили литературы и желали держать связь с партией. В то время выходила нелегальная солдатская газета, несколько номеров которой и были переданы солдатам. Рота оказалась очень хорошо с'организованной: связь с ней держать было легко. Нужно было проходя мимо казармы на ходу сказать дневальному: «Вышли бычка к колодцу». Кто-бы ни был дневальным, он уже знал кого нужно и сию-же минуту в условленное место приходил тот, через кого держалась связь.

Свидания с солдатами происходили на выгоне в Никулинском саду; место это было выбрано потому, что в сад солдаты ходили покупать яблоки и подметить свидания было трудно.

Для руководства работой с солдатами в Усмань из Воронежа приезжал студент-технолог Иванов С. С. С солдатами был разработан план захвата города на случай лозунга из центра о вооруженном восстании.

Солдаты с'умели завязать связь с казаками. В политическом отношении эта связь ничего не дала, но в отношении ослабления дисциплины было кое-что достигнуто: казаки предъявили своему начальству ряд требований экономического характера. По тому времени и это было уже очень много.

Солдат продержали в Усмани очень не долго и перегнали куда-то в другое место.

В конце августа почти все активные работники нашей группы раз'ехались. А. П. Барабанову была оставлена библиотечка. Среди учащихся продолжала работать гимназистка З. Андреева. Из Воронежа время от времени кто-нибудь наезжал в Усмань. Осенью 1906 года приезжал в Усмань Б. А. Васильев, хорошо известный тамбовцам. В то время он был еще очень юным реалистом. Той-же осенью З. Андреева была арестована, а у А. П. был обыск, не давший никаких результатов.

В. Д. Андреев.

Организация Советской власти в Усманском уезде.

(Из воспоминаний участника).

Еще задолго до того времени, когда в центре был организован Совет Народных Комиссаров, еще в то время, когда большевики по всей России вели подпольную работу, преследуемые агентами русского Бонапарта—Керенского, в Усмани уже была группа людей, которая проводила в жизнь большевистские идеи и лозунги.

Началась борьба за передачу власти Советам с приездом в Усмань Б. И. Моисеева (с.-д. большевика), офицера 212-го полка, который вскоре по приезде был избран в председатели Совета. Он отличался выдающимся ораторским талантом и организаторскими способностями. К этому еще надо присоединить красивую наружность и преданность делу революции, которая была тогда у него.

С именем Моисеева связана организация в Усмани Социалистического Клуба с библиотекой и читальней и организация Солдатского Клуба с чайной и столовой. На первых же порах своей работы, Моисееву пришлось встретить противодействие со стороны усманского комиссара Временного Правительства—Русанова, по профессии присяжного поверенного, по политическим убеждениям—правого эсера, если не кадета.

Вокруг Моисеева, с апреля 1917 г. в Усмани стала создаваться группа самых активных работников большевиков того времени—солдат 212 полка: Струписа, Ф. И. Евсеева (большевики), Зайдеса, Соломахи (эсер), Хомякова Н. Ив. (сочув. большевикам, старого подпольного работника). В городе уже тогда намечалось два основных лагеря: с одной стороны Совет во главе с Моисеевым и разделявшие тактику Совета, а с другой—вся городская буржуазия во главе с город. головой Огаркогым. Сюда же принадлежала и интеллигенция в лице врачей. техников, союз земельных собственников, мещане и гласные Городской Думы. Моисеев пользовался любовью в среде солдат 212 полка. Он был первым организатором митингов в Усмани и он же организовал в Усмани союз солдаток. По его инициа-

тиве рабочие выбрали своих представителей в Совет. Моисееву пришлось натолкнуться на противодействие буржуазии и интеллигенции, в рядах которых сторонников Совета было очень мало. Учительство, предводительствуемое городскими кадетствующими учителями, не пило навстречу. Сколько было с'ездов, на которых выступал Моисеев, но на свою сторону привлечь удалось ему лишь небольшую группу в 18 человек.

Проработав в Усмани месяца четыре, Моисеев уехал в Петроград на С'езд Советов и был избран в члены В. Ц. И. К., после чего заглядывал в Усмань уже изредка.

После его от'езда руководили работой Совета: Комяков, Струнгис, Евсеев, Гонтовт, Соломаха.

Вскоре после от'езда Моисеева, в Усмань приехал Исполатов—старый подпольный работник-большевик, уже известный В Усмани, как социалист еще в старое время, сидевший в тюрьмах Воронежа и Орла. Тотчас-же Исполатов был избран членом Совета и принялся за общественную работу, посещая собрания и участвуя в разрешении вопросов.

Первое же выступление Исполатова в 29 бараке в прениях по текущему моменту дало нам понять, что перед нами был не меньшевик, а старик с юношеской герой в грядущее торжество социализма. Исполатов, как сильная личность, сразу же об'единил вокруг себя, как когда-то Моисеев, группу сторонников революционной тактики. При нем выдвинулись многие, до тех пор незаметные работники, как например, учитель Овсянников и другие.

Если Моисеев, не проводя открыто лозунгов большевиков, лишь, намеками, осторожно проводил политику борьбы за власть Советов, то Исполатов выступил прямо, не взирая на то, что тогда опасно было быть откровенным, т. к. и в Усмани и в Тамбове были у власти сторонники Керенского.

Однажды я сидел в редакции (я замещал по случаю от'езда в Тамбов редактора). Приносят телеграмму о Корниловском мятеже. Приходит в это время Исполатов. Когда я прочитал ему телеграмму, он мне посоветовал пти с ней на происходившее в то время заседание Уездного Исполнительного Комитета,—прочитать ее и сказать: «Итак, большевики были правы, предсказывая измену Корнилова».

Вскоре после приезда Исполатова в Усмань, он был избран председателем Совета. В это время собрания Совета устраивались попрежнему в 29 бараке, где среди солдат велась пропаганда против Временного Правительства. В это время Совет был, так сказать, нелегальной властью, т. к. в барак 29 или рабочие искать защиты против своих хозяев, или крестьяне с жалобами на помещиков. В уезд посылались лучшие члены Совета, где они распространяли литературу.

В уезде в это время наблюдался глухой ропот крестьян против помещиков и кулаков. В августе начались погромы. Ненависть крестьян вылилась в арест самого крупного помещика в уезде—князя Вяземского.

Читая сохранившийся протокол схода крестьян сел: Коробовки, Падворки, Дебри, Демшинки, Княже-Байгорской вол., невольно проникаешься глубоким уважением к этому первому сознательному революционному акту деревенской бедноты.

В этом акте бывшие крепостные крестьяне господ Вяземских постановили арестовать и «*отправить Вяземского в первую линию окопов в 21 дивизию и сдать дивизионному комитету. Кроме того, крестьяне своим приговором подтверждают, что помещик Вяземский по своему возрасту давно должен быть отправлен на позиции, но пользуясь связями, остается здесь в тылу, принося государству непоправимый вред своей черносотенной агитацией*» *).

Крестьяне заставили подписать этот акт, присутствовавшего в это время помощника комиссара Времен. Правительства Брюзовского и инструктора Тамб. Губ. Прод. Управы Попова. Немедленно были выбраны провожатые от схода и Вяземский был отправлен в Усмань, но по дороге, в Грязях, он был убит проезжавшим на позиции эшелоном солдат.

Убийство Вяземского сильно напугало отцов города и комиссара Русанова. Было даже созвано особое собрание, где было выражено соболезнование по поводу убийства. Убийство Вяземского и бунты в уезде не на шутку встревожили Русанова и он вскоре предпочел удрать из Усмани, где «большевистская стихия» поднимала голову, и грозный признак октября уже пугал всех сторонников буржуазного строя.

На заседании Исполнит. К-та (в который входила часть городских мещан и часть крестьян уезда), Исполатов был избран уездным комиссаром Времен. Правит. Но, по своей привычке, своим откровенным выступлением в это время он чуть не испортил все дело. В своей речи он сказал: «Никто не может поручиться, за то, что Времен. Правит. не сделается реакционным». Эти слова были запротоколированы и полетел донос в Тамбов. Но все же Исполатов был избран комиссаром.

В это время Русанов решил пролезть в губернские комиссары Времен. Правит. Я, Овсянников, Комяков и Зайдес были делегированы от Усманского Совета в Тамбов на заседание Губернск. Исполнит. К-та. Одновременно с нами в Тамбов заявились усманские буржуазные лидеры—Огарков, Русанов, Брюзовский. На заседании Исполнит. К-та большинство было

*) Из протокола собрания гр. с. Коробовки, Падворки, Дебри, Демшинки от 24 авг. 1917 г.

у меньшевиков и эсеров и выступления Овсянникова и Комякова—ярко большевистские—явились резким диссонансом в буржуазном хоре. Но все же мы сыграли решающую роль, дав отрицательную характеристику Русанову и губкомиссаром был избран Шатов.

Правда мы, что называется, «сменили кукушку на ястреба», но если бы прошел Русанов, то, конечно, всех «испольтовцев» он быстро отправил-бы «куда Макар телят не гонял». Поэтому из двух зол мы избрали меньшее.

Мы возвращались в Усмань как победители, а Русанов уже больше не возвращался. оставшись в Тамбове и получив должность председателя губернск. комиссии по выборам в Учредительное Собрание.

В Усмани в это время велась самая отчаянная борьба между большевиками и эсерами. Лидером эсеров был солдат 212 полка—Соломаха. Кроме того, вели эсеровскую работу инструктор Губерн. Продовол. Управы Попов, Русанова (жена Русанова), Брязовский и др.

Борьба достигла своего апогея тогда. когда от Об'единенного Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов отделился Крестьянский Совет. и началась агитация по уезду в двух направлениях. В это время Усманский Совет уже имел свою газету. которая была ярко большевистской и в этой газете бичевались городские непорядки. трусость соглашателей и реакционность городской буржуазии во главе с городским головой Огарковым.

В Усмани было несколько политических группировок. Центром кадетской партии была Городская Управа, председателем партии состоял городской голова Огарков. В кадетскую партию входили многие местные купцы. Усманскому Совету пришлось вести ожесточенную борьбу с Гор. Управой, которая не хотела признавать Совета. Несмотря на то, что в это время цены на базаре сильно поднялись и голод остро давал себя чувствовать, Управа не заботилась о снабжении города хлебом и хлеб из уезда сплавлялся на сторону. Дело снабжения города продовольствием передано было местному буржую Маркову, который взял в свое ведение город. продовол. лавку. Правда. в это время существовала еще так называемая Продовольств. Управа, но она занималась только перепиской с Губ. Продов. Управой. В Прод. Управе сидели эсеры и кадетствующая интеллигенция. Совету пришлось сразу столкнуться с Управой и назначить своего политического комиссара. Когда же Управа отказалась работать в контакте с Советом, она была разогнана.

Совету уже в то время пришлось обратить внимание на положение местной промышленности. Табачная фабрика Володарского была взята под контроль. владелец фабрики оставлен на службе, но за известный %, а все доходы должны были по-

ступить в Совет. Володарский не примирился с таким положением дела,—он решил сломать машины и удрать. Удрать ему удалось, но сломать ничего не пришлось.

В это время рабочие были организованы в один профсоюз, называвшийся тогда «Союз Рабочих», в который входили табачники, колбасники, пекаря. Председателем Союза был сначала Ф. Ив. Евсеев (рабочий из Москвы), потом Пухов. Союзом было обращено внимание на улучшение положения рабочих в отношении условий труда и заработной платы.

Большевики в Усмани были уже господами положения, т. к. фактически вся власть была у них. В Комиссариате Врем. Правит., в Земстве, в Продов. Управе, в Зем. Управе, Милиции всюду были большевики. Усманский Совет опирался на 212 полк, который был распропагандирован большевиками. Председателем Совета и Уездного Земства был Исполатов. У Совета не хватало сил для того, чтобы взять в свои руки Гор. Управу, но в среде гласных Гор. Думы голоса разбивались почти поровну и на заседаниях Думы происходили ожесточенные сражения между обоими сторонами. Конечно, можно бы было разогнать Управу силой штыков, но у нас не было, вследствие недостатка сил, подходящего кандидата на должность гор. головы.

С эсерами приходилось Совету сталкиваться на крестьянских с'ездах, которые устраивались в это время периодически. Эта борьба привела к тому, что от об'единенного Совета Раб. Солд. и Крест. Деп. отделился Совет Крестьян. Деп., в котором засели эсеры и кулаки. Председ. Сов. Кр. Деп. был эсер Соломата, видными работниками эсеров являлись—матрос Сорокин (крестьянин села Борисовки, Карпельской вол.) Овчинников и Блинов. Крестьянские с'езды проводились исключительно под руководством эсеров. Но негодование 212 полка на эсеров было так сильно, что, когда на 7-ой эсеровский крестьянский с'езд не были приглашены представители полка, солдаты 212 полка, без всяких посторонних влияний, вошли в помещение С'езда, разогнали С'езд, арестовав Сорокина и др.

В Тамбов посыпались доносы: Сорокину удалось добиться от Губ. Комиссара Времен. Правит. эсера Шатова назначения на пост Усманского комиссара Врем. Прав. Но Исполатов не сдал ему должности и, в результате, уезд раскололся на две половины: возникло двоевластие. Сорокин созывал свои Крест. С'езды—1-ый был созван в Добринке, второй—в с. Мордове. Только в конце декабря 1917 г. Сорокин был арестован и отправлен в Воронеж.

Упорная борьба с эсерами и кадетами велась перед выборами в Учредит. Собрание. На один из Крест. С'ездов приезжал представитель Тамб. К-та эсеров для агитации за эсеровский список. Большевики организовали свой список на Ко-

ловской конференции—№ 7, куда вошли представители Козлова, Усмани и завода № 43. От Усмани в списке были—Исполатов и Моисеев *). Наконец, наступили октябрьские дни. Долго не было никаких известий из центра. Стояла поздняя осень. Усманские большевики связались с Козловом и Воронежем и вели подготовку к захвату власти.

Переход власти к Совету у нас произошел следующим образом.

На заседание Исполнит. К-та был приглашен начальник гарнизона—командир 212 полка, полковник Осипянц. Ему было заявлено, что в Усмани всю власть взял в свои руки Совет. Для контроля над Осипянцем был поставлен от Совета политический комиссар и без его подписи ни одна бумага не должна была проходить.

Переход власти к советам был возвещен чтением с балкона местному гарнизону и гражданам воззвания, которое заканчивалось так:

— «*До установления власти Учредительным Собранием власть и поддержание порядка в Усманском уезде берет на себя Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Земля—земледельцам, власть—народу, заводы и фабрики—под учет рабочих. Немедленное прекращение постыдной человеческой бойни затеянной капиталистами всех стран*» **).

Перед самым об'явлением власти Советов, пришлось натолкнуться на саботаж почт. конторы, которая задерживала телеграммы, извещавшие об организации Ревкома в Москве, а потом о создании Совнаркома и победе большевиков. Пришлось поставить контроль на почту, но почта прекратила работу. Тогда она была опечатана Советом. По поводу этого конфликта я был послан в Москву к комиссару почтамта тов. В. Н. Подбельскому.

Когда в центре власть уже перешла к Советам, в Грязях на станции стоял полк драгун, верный временному правительству. Мы были отрезаны от центра. В это время и состоялась моя командировка в Москву, где в Ревкоме я делал доклад.

Власть Советов в Усманском уезде была закреплена на крестьянских с'ездах, которые созывали большевики. На 2-ом Крест. С'езде, созванном 17 декабря 1917 г., была принята резолюция, приветствующая Совет Народных Комиссаров ***).

На этом же С'езде была принята резолюция об отрицательном отношении к Учредит. Собранию, были установлены твердые цены на хлеб и запрещен вывоз хлеба из уезда.

---

*) „Усманская Газета" № 114 от 10/XI 1917 г.

**) „Усманск. Газ." № 114 от 10/XI 1917 г.

***) „Усм. Газ." № 2—5/I—1918 г.

По вопросу об отстранении Исполатова от должности комиссара Шатовым было постановлено.

— *«Обсудив приказ Губернского Комиссара Шатова за № 37 об отстранении Усманского Комиссара Н. Н. Исполатова, постановили: выразить полное доверие уездному Комиссару Николаю Николаевичу Исполатову, как истинному защитнику трудового народа и борцу за его интересы. В виду того, что Губернский Комиссар Шатов поступил против интересов трудового крестьянства и против революции, ввиду того, что губернский комиссар не признает власти рабочего и крестьянского правительства—Совета Народных Комиссаров. Съезд постановляет выразить недоверие Губ. Ком. Шатову, как контр-революционеру и изменнику народа, просить Сов. Нар. Комиссаров о немедленном его отстранении от должности и преданию Рев. Трибуналу* *).

Как эта резолюция, так и ответ Н. Исполатова на телеграмму Шатова об его отстранении свидетельствуют о нашей смелости, так как Шатов имел в то время ударный батальон в Тамбове и полк драгун в Грязях, а у нас была только рота надежных красногвардейцев.

На этом же 2-м Крест. Съезде было постановлено переизбрать уже существовавшие в это время по селам Крест. Советы и организовать Рев. К-ты и К-ты Красной Гвардии.

На 3-м Крестьянском Съезде бывшем в Усмани 26 янв. 1918 г. было принято важное решение по земельному вопросу в смысле роспуска Зем. К-та (эсеровского) и о немедленном проведении в жизнь декрета Совнаркома о земле от 26 окт. 1917 г. (о передаче крестьянам земли). Кроме того, было постановлено организовать рабочий контроль над производством. По вопросу о красной гвардии было постановлено представлять списки записавшихся на утверждение Совета **).

Во исполнение постановления о роспуске Зем. К-та, т. Овсянников был назначен Комиссаром Зем. К-та (30 янв. 1918 г.).

На этом-же 3-м съезде были избраны представители от крестьян во вновь об'единенный Совет Солд. Раб. и Крест. Деп. После съезда по селам были распущены волостные земства и организованы Советы. К моменту перехода власти к Совету, в уезде вспыхнули погромы—Совету пришлось посылать отряды для предупреждения их и для сохранения хлеба от разграбления. Запылали в ярком пламени—усадьбы: Шингаревых. Девых. Павловых. Вяземских и Гаршиных.

Предупредить погромы не представлялось возможности, т. к. это была стихийная волна, захватившая весь уезд. Нужно

*) „Усм. Газ." № 6, от 17 янв. 1918 г.

**) „Усм. Газ." от 26 янв. 1918 г.

было только следить за тем, чтобы живой и мертвый инвентарь из помещичьих гнезд достался бедноте, что и проводилось членами Исполнит. К-та, посылаемыми в уезд с отрядами.

Буржуазная печать, в частности «Русское Слово», обвиняла Усманский Совет и его председателя Исполатова в погромах, тогда как истинными их виновниками нужно считать воровские Земельные К-ты, бездействовавшие и не передававшие землю крестьянам.

Как до октябрьской революции, так и позже Усманский Совет проводил энергичную чистку городских учреждений от контр-революционного элемента. Советом был смещен с должности заведующий Приусманским Лесничеством, старый царский служака Шехмалитьев, эксплоатировавший лесников, как крепостных крестьян и на его место назначен член Совета Курилов. Лесные служащие были организованы в союз.

Следующими работами Исполкома было: создание Красной Гвардии (так как полк 212, пополнявшийся местными крестьянами становился ненадежным), закрытие гнезда буржуазии - местного общественного клуба, обыски у местной буржуазии, посылка реквизиционных отрядов за хлебом в уезд, на станцию, наконец —разгон Гор. Управы и передача ее в ведение Совета с назначением Комиссара Гор. Хозяйства, создание Комиссариата Труда с биржею труда.

Проводилось формирование отрядов из добровольцев на чехо-словацкий фронт, сбор контрибуции, причем за неуплату ее буржуазия была посажена на первый день Пасхи в тюрьму. В это время были созданы комиссариаты: земельный, продовольственный, народного образования. Уже в то время Усманский Совет был против увеличения количества отделов,—часто анархически в этом не соглашаясь с центром.

В уезде к этому времени у Совета было несколько надежных товарищей—в с. Завальном —Евсеев, в с. Демшинске - Л. Боровских, Березнеговатке—Пчельников.

Из трагических случаев в жизни Усманского Совета следует отметить—арест Н. Н. Исполатова. На митинге в 212 полку он был арестован по обвинению в составлении подложной телеграммы. Провел одну ночь в тюрьме, при чем на митинге раздавались голоса: «Убить его!» Он чуть-чуть не сделался жертвой озверевшей сволочи (в лице, как после оказалось, местной буржуазии, бывшей на митинге в солдатских шинелях).

С Тамбовом Усманский Совет не ладил и не всегда подчинялся Тамбову. В 1918 г. (летом) Усмань —анархически перешла к Воронежу. На этой почве отношения обострились и привели к конфликту.

На этом я заканчиваю очерк, так как в последующие периоды советской и партийной работы в Усмани—1918 г. (с осени) до 1919 г. я активно. вследствие болезни, не работал.

Скажу, что несмотря на отсутствие сил, как физических, так и духовных. Усманский Совет (1917—1918 г.) свое дело делал. Недаром т. Ленин на одном митинге, говоря о прод. вопросе, отметил Усманский уезд и работу его Совета:

— *«Когда я читаю сообщение о том, что в Усманском уезде, Тамб. губ. прод. отряд из реквизированных 6000 пуд. хлеба, 3000 отдает беднякам, то я говорю, что если бы даже в России был один такой отряд, я бы и тогда сказал, что Советская власть свое дело делает, ибо ни в одном государстве такого отряда нет»*.—*сказал тов. Ленин.* («Правда» № 126. 1918 г.).

Тов. Ленин говорил о посылке Усманским Советом отряда красноармейцев в с. Куликово, где было реквизировано у кулаков 6000 пуд. хлеба, из которых половина была отдана беднякам-крестьянам.

Усманский уезд в 1917 г. был одним из самых революционных уездов в Тамб. губ.. Еще в то время, когда в Тамбове сидели эсеры, в Усмани уже была Советская власть.

В истории создания Советской власти в Тамб. губ. Усмань должна занять не последнее место.

Н. Андреев.

Г. Усмань, 1922 г. 26 окт.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
От Губиспарта. Путь борьбы	3.
Рабочий-Пороховик. Борьба за Советвласть на заводе № 43 и в Тамбове	7.
М. К. Первые Советы и массы	28.
М. Колосов. Из воспоминаний о 18-ом годе	31.
Б. Д. Живоглядов. Вадим Подбельский	40.
В. Белоцветов. Из воспоминаний о В. Н. Подбельском	44.
Сер. Полин. Последние дни эсеро бандита Антонова	46.
Ив. Глушков. Козловский мятеж 16 июля 1918 г.	54.
В. Д. Андреев. Начало социал-демократической работы в Усмани	59.
Н. Андреев. Организация Советвласти в Усманском уезде	68.

Редакционная Коллегия Губистпарта:
Ив. Глушков.
Д. Брагинский.
С. Евгенов.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

сборник **ВТОРОЙ** сборник

ТАМБОВСКОГО ГУБИСТПАРТА

„ПУТЬ БОРЬБЫ"

Второй сборник целиком посвящается материалам по истории

АНТОНОВЩИНЫ.

ВСЕХ ТОВАРИЩЕЙ, имеющих какие-либо материалы (документы, воспоминания, фотографии и т. д.) Губистпарт просит дать для использования в сборнике.

ПОСЛЕДНИЙ СРОК

представления материалов—1 февраля.

Адрес Губистпарта и редакции сборников „ПУТЬ БОРЬБЫ":

гор. Тамбов, угол Интернациональной и Карла Маркса, Губком РКП, комн № 42, Губистпарт.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ